

АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ

ХОЗЯИН ТИШИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Тарасов

Хозяин тишины

«Автор»

2026

Тарасов А.

Хозяин тишины / А. Тарасов — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад в лесном овраге погибла молодая девушка. Тогда её смерть признали несчастным случаем. Главный подозреваемый — её парень Марк. Он спешно уезжает из города, оставив за спиной все тайны. Спустя пятнадцать лет Марк возвращается обратно. И в это же время в городе начинается серия жестоких убийств. Неизвестный методично и хладнокровно зачищает всех, кто был связан с той старой трагедией. Опытный следователь из главка понимает, что убийца не остановится, пока не закроет весь список. Под подозрением оказывается каждый. Время на исходе. Но пока следствие ищет ответы в прошлом, настоящий убийца наблюдает со стороны. И он не нарушит это молчание. Потому что он — Хозяин тишины.

© Тарасов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Тарасов

Хозяин тишины

Пролог.

ПРОИСШЕСТВИЕ

12 мая 2007 года. Суббота.

Страх пахнет одинаково — мокрой землёй, гнилой хвоей и близкой бедой.

Майская жара к вечеру исчезла. На опушке леса Аня сразу продрогла. Ветви деревьев с первыми листьями заслоняли ночное небо, отсекая свет луны. Тяжёлый фонарь блестел в руке, выхватывая из темноты шершавую кору дубов. Аня старалась не сойти с колеи и не зацепиться за корни. Нарастало негодование. Выбор Марка казался странным: зачем было звать её ночью в этот глухой лес, если он сам панически боялся здешних тропинок? Связь не ловила, отправить СМС и высказать всё, что она думает о его затее, было невозможно. Приходилось идти вперёд.

Тропинка сузилась. Ступать надо было аккуратнее. В плотной тишине чащи девушка замерла, прислушиваясь. Сзади хрустнула сухая ветка. Звук показался неестественно громким.

«Крадется? Подшутить вздумал?» — Аня разозлилась, приготовившись залепить Марку пощечину, как только он покажется. Но вокруг снова было тихо. Бледный луч выхватывал из темноты лишь неподвижные стволы деревьев.

Девушка пошла дальше. Стоило преодолеть пару десятков метров, как шорохи возобновились. Каждый раз, когда она останавливалась, звуки за спиной мгновенно затихали. Тревога прокатилась по телу. Марк не стал бы так пугать её. Но кто тогда там, в темноте?

До назначенного места оставалось всего пару сотен метров. Поляна находилась сразу за оврагом. Днем они устраивали здесь пикники, но сейчас, под покровом ночи, расщелина выглядела зловеще. Снизу, из черной бездны, тянуло могильным холодом. Ветер сухо шуршал прошлогодней листвой на самом дне.

Аня неуверенно ступила на узкую тропу, обходившую овраг справа. Пальцы, сжимавшие фонарь, мелко задрожали. Она сознательно не светила вниз, чтобы не видеть глубину пропасти — там было не меньше десяти метров.

— Марк? — позвала она в темноту.

Ответа не последовало. Белый луч скользил между деревьями. Вся эта ситуация вдруг показалась ей странной. Слишком мало времени на сборы. И само сообщение. Зачем СМС? Почему он не позвонил?

Аня остановилась и достала мобильный. Синеватый свет экрана полоснул по привыкшим к темноте глазам. Она открыла текст и вчиталась в строчки, которые в спешке упустила из виду.

«Через пол часа на нашем месте в лесу».

«Пол часа». Ошибка. Марк — круглый отличник, претендент на золотую медаль. Да, он мог ошибиться в сложной химической формуле, но русский язык знал безупречно. Написать такое простое слово с ошибкой он не мог.

— Это не он, — прошептала девушка, и внутри поднялась паника. — Номер его, но писал не Марк.

Она быстро развернулась назад, мечтая только об одном — выбраться из леса. Ей больше не хотелось быть одной в этой зловещей тишине. Стоило сделать пару шагов, как сзади — теперь уже со стороны поляны — донесся резкий, отчетливый хруст. Будто кто-то сделал тяжёлый шаг ей навстречу.

Аня дернулась в сторону, но нога намертво застряла в вывернутом корне дерева. Потеряв равновесие, она выронила фонарь. Он покатился напрямик в овраг, глухо ударяясь о выступы склона. Безумные белые вспышки заматались по стенам расщелины, пока фонарь с треском

пробивал густые заросли на дне. Свет погас. Вместе с фонарем в бездне исчезала иллюзия защиты — Аня физически осознала, что Марка здесь нет и спасти её некому. На самом дне луч окончательно погас. Лес вокруг мгновенно погрузился в абсолютную, мертвую тьму.

В этот миг все звуки исчезли, уступая место удушливому вакууму. В звенящей пустоте Аня слышала только бешеный стук собственного сердца и... чужое тяжелое дыхание прямо у своего уха. Девушка пыталась освободить ступню, ухватившись руками за толстый сук. В эту же секунду сильный удар в лопатки толкнул её вперёд. Она вскрикнула от страха, моментально выпустив весь воздух из легких.

Нога наконец выскочила из тисков, но земля уже уходила из-под подошв. Воздух с оглушительным свистом ударил в лицо, полностью перекрывая все звуки леса.

Всё вокруг завертелось слишком быстро. Сбивая кустарники, раздирая кожу в кровь об острые края ветвей, она кубарем летела в бездну. Платье рвалось на мелкие клочья, под её весом с треском ломался подлесок. Полёт длился всего несколько секунд, показавшихся вечностью.

Тело с размаху рухнуло на поваленное дерево на самом дне оврага. Острая ветка насквозь пронзила живот — Аня не увидела её в кромешной тьме, но ощутила, как изнутри разливается волна смертельного тепла. Намокшая одежда мгновенно прилипла к телу.

Девушка застыла, не в силах пошевелиться. Последний вздох дался с жутким трудом. Небо над оврагом казалось абсолютно черным, и перед тем, как её взгляд окончательно остекленел, где-то там, высоко над головой, у самого края обрыва, на мгновение замер едва различимый тёмный силуэт. Он постоял несколько секунд, глядя на неё сверху вниз, а затем бесшумно растворился в ночи.

Сознание погасло. И наступила тишина.

ЧАСТЬ 2.

ГЛАВА 1. Три недели до происшествия.

20 апреля 2007 года. Пятница.

Марк посмотрел на часы. Это был папин подарок. Дорогие швейцарские часы — с авиационным дизайном, выразительным циферблатом и мощным корпусом. Тяжёлый холод полированной стали приятно остужал запястье. Слишком дорогие и роскошные для выпускника школы. Марку повезло больше, чем многим другим детям. В их маленьком городке средняя зарплата была такой, что за неё можно было бы купить разве что браслет от таких часов. Но Сергей Владимирович, отец Марка, зарабатывал много. Он уже давно трудился в областной администрации, был чиновником, имел деньги и статус. Его и презирали, и уважали одновременно. Некоторые ему завидовали, а злые языки поговаривали, что всё его богатство — результат коррупционных схем. Впрочем, представителей власти в стране всегда считали жуликами.

Отец никогда не обращал внимания на подобные разговоры. Он транслировал абсолютную уверенность в том, что за его сложный труд положена достойная оплата. В этом же духе Сергей Владимирович воспитывал сына. Дорогие часы он подарил парню перед началом учебного года в прошлом августе.

— Марк, ты уже достаточно взрослый, — начал он тогда, протягивая красивую коробку, — и должен понимать, что самое главное в жизни.

То ли вопрос, то ли утверждение. Марк иногда не понимал, чего хочет от него отец. Наверное, сказывалось частое отсутствие папы дома. Намного проще было разговаривать с мамой и находить с ней общий язык. С ней Марк был на одной волне. Но папа...

— Наверное, самое главное — заботиться о своей семье? — предположил Марк. За семнадцать лет у него сформировались кое-какие представления о жизни. Хотя, как и многие в его возрасте, он часто идеализировал действительность.

— А ещё? — Сергей Владимирович не засчитал ответ, его взгляд оставался холодным и требовательным, точно у экзаменатора.

«Выходит, я ошибся», — подумал Марк. Но он не привык сдаваться, поэтому попробовал ещё раз угадать, чего же хочет папа?

— Может, деньги? Ты всегда говоришь, что нужно много зарабатывать, чтобы нам с мамой хорошо жилось.

Но и этот ответ не удовлетворил отца. Он больше не стал мучить сына вопросами. Он попросил развернуть подарок. И когда Марк достал огромные часы из коробки, которая дорого зашуршала шелковой бумагой, он многозначительно посмотрел куда-то вдаль, словно примеря слова с окружающей обстановкой, а затем тихо произнёс:

— Время.

Марк, обрадованный отцовской щедростью, стоял и держал в руках часы, примеряя их на запястье. Он не сразу уловил слова папы, но потом, спустя несколько секунд, догадался, что тот имел в виду.

— Спасибо! — искренне воскликнул парень. — Они — просто удивительно красивые.

— Я рад, что тебе понравились часы, сынок, — на лице Сергея Владимировича появилась улыбка. Такая, какую можно увидеть в рекламе дорогих костюмов или автомобилей — выверенная, безупречная и лишённая живых изъянов. — Запомни, что время — самый главный ресурс. Ты не должен тратить его понапрасну.

После этих слов Марка ожидала ещё долгая лекция о том, что впереди последний класс. Выпускников будет много, но тех, кто станет потом достойными людьми, мало. И Марк не должен подвести маму и папу. Быть достойным, по мнению Сергея Владимировича, — это быть полезным для общества. Очень широкая формулировка. Марк не совсем был с ней согласен. Ведь дворник тоже может быть полезен. Но вряд ли папа это имел в виду. А идти по стопам отца и становиться чиновником парень вовсе не хотел. Да и носить эти дорогие часы, когда в классе были ребята, родителям которых не хватало денег на одежду для детей, тоже не хотелось. Не хватало ещё, чтобы ему стали завидовать в открытую. Многие из одноклассников и так не очень хорошо относились к Марку из-за положения его отца.

Поэтому подарок, полученный от Сергея Владимировича перед последним годом обучения в школе, был отложен в тумбочку. Марк, конечно, слегка переживал из-за этого какое-то время. Но потом смирился. Когда он окончит школу и поступит в университет, чья-то зависть потеряет всякое значение. В Москве, куда хотел отправить отец Марка, у студентов наверняка будут вещи и подороже.

Но ещё до окончания школы случилось то, что заставило парня достать подарок отца из тумбочки и надеть часы на руку к большому удовольствию родителей. Произошло сразу два взаимосвязанных события, которые сильно повлияли на Марка и привели его туда, где он находился сейчас. Первое: он начал встречаться с девушкой. Второе: поругался со всеми друзьями. Как раз из-за девушки. Поэтому причин скрывать достаток своей семьи, чтобы оставаться таким, как все, ему было больше не нужно. В этом не было никакого смысла, и теперь часы красовались на руке парня уже несколько недель.

«Ну, где же она?» — думал Марк, то и дело смотря на циферблат. Очередь перед кино-театром уже рассосалась. Сеанс начинался через пять минут, поэтому люди уже наверняка заняли свои места. Марк стоял на улице и от волнения не находил себе места. С крыльца кино-театра доносился приглушенный гул голосов, а прохладный вечерний ветерок доносил запах попкорна.

— Вы кого-то ожидаете, молодой человек? — тонкий девичий голос откуда-то сзади заставил Марка слегка вздрогнуть. В это же мгновение две холодные ладони обняли парня за плечи и опустились на грудь. Марк почувствовал тонкий, едва уловимый аромат ландышей — её любимых духов.

— Привет! — Марк от волнения слегка нервничал. Тем не менее, с радостью развернул девушку к себе и нежно заключил в объятия.

— Скучал? — игриво произнесла девушка, уклоняясь от поцелуя парня. Марку показалось, что она делает это лишь для проформы, подражая героиням взрослых мелодрам. Взрослые игры, подсмотренные в сериалах.

— Не очень, — Марк подыграл ей и нахмурил брови — мать говорила, что с таким лицом он похож на отца, принимающего важные решения.

— Вот как? — девушка насупилась. — Тогда, может, я одна схожу в кино?

Марк выдержал театральную паузу, рассматривая свою возлюбленную. Он не хотел сдаваться. Девушка напротив него тоже оставалась серьезной, будто проверяла его на прочность. Ее густые, темно-каштановые волосы падали на плечи, обрамляя лицо, и своими волнами сводили Марка с ума. Он влюбился в нее с первой секунды. Волосы и глаза — от них нельзя было оторвать взгляд. И теперь эти глубокие темно-зеленые глаза, выразительные и немного миндалевидные, смотрели на него с такой нежностью, что парень не мог понять, кого благодарить за то, что эта красотка стоит рядом с ним. Марк слегка коснулся пальцами её мягкой щеки, чувствуя, как внутри всё замирает от её взгляда, будто само время, о котором говорил отец, на секунду прекратило свой ход.

— Аня, конечно, ты не пойдешь одна в кино, — Марк снова предпринял попытку поцеловать ее. На этот раз девушка не стала уклоняться. — И вообще — никуда не пойдешь без меня.

— Это я и хотела услышать, — прошептала она на ухо Марку, отчего у парня побежали мурашки по всему телу.

«Не удивительно, что мне завидуют. Помимо богатого папы, теперь появилась ещё одна веская причина это делать», — подумал про себя парень, беря Аню под руку и уводя по улице в сторону, где располагался местный кинотеатр. «Я получил любовь, но лишился всех друзей. Правильно ли я поступил?»

Ответ Марк знал прекрасно, поэтому ещё сильнее сжал ладонь девушки, когда возле входа в здание кинотеатра увидел тех, кого совсем недавно называл своими друзьями.

— Ну че вы, голубчики? — донеслось от скамейки слева. Там курили одну сигарету на троих. Рома и братья — Слава с Димой. Марк узнал голос сразу. Говорил Дима — младший, самый борзый. То, что Марк променял их толпу на девушку, Димка воспринял как личную обиду. — Эй, глухой, к тебе обращаюсь!

Марк крепче прижал к себе Аню и увлек её внутрь. Двери отсеки улицу. В фойе было тихо.

— Долго они будут докапываться? — тихо спросила Аня.

— Пока из города не уедем, — отрезал Марк. Аня посмотрела на него и больше ни о чем не спрашивала.

— Возьмем попкорн? — перевела она тему.

— Конечно, — Марк снова улыбнулся ей, постаравшись вложить в эту улыбку всё свое тепло — этот жест тут же стёр у неё весь неприятный осадок от встречи с ребятами.

Показывали «Предчувствие» с Сандрой Буллок. Выбирали фильм вместе, это было несложно. Из всех премьер триллер был только один. Боевики и комедии Марк с Аней не любили. В этом их вкусы сходились, как и, впрочем, во многом другом. Сюжет захватил Аню с первых минут — Марк видел, как она, не моргая, смотрит на экран, — но сам он сосредоточиться не мог. Думал о бывших друзьях, ставших врагами.

Марк вспомнил, как трудно было попасть в компанию Славы, Димы и Ромы. До девятого класса его друзьями были партнеры по футбольной команде, общение с которыми ограничивалось временем тренировок и матчей. Марк часто участвовал в соревнованиях, и то, что на

поле было ещё десять единомышленников, заполняло пустоту от недостатка товарищей. Тем более, что тренер всегда ставил его в основной состав, как самого скоростного и техничного. Марк был счастлив. Его вполне устраивало такое положение вещей. Он даже мог прийти на тренировку, а потом, ни с кем не говоря, вернуться домой и уткнуться в книжки. Но все изменилось позже, когда они все повзрослели. В десятом классе социальная пропасть стала слишком заметной. Марка начали травить. Сначала в школе, потом на улице.

Класс разбился на группировки. Пацаны собирались в компании по районам. Дом Марка стоял на окраине, в элитном секторе — там ему группироваться было не с кем. Прилетало со всех сторон. Ему завидовали и не любили. Провоцировали на драку, но Марк, как сын чиновника, приученный отцом искать компромиссы, уходил от конфликтов.

Постоять за себя он мог. При росте почти сто восемьдесят сантиметров, широкоплечий, крепкий и мускулистый, легкой добычей он не был. Но кулаками проблемы решать не хотел. Чтобы не огорчать родителей, решил не воевать в одиночку, а примкнуть к сильным.

Компания футболистов и спортсменов казалась лучшим вариантом. Но именно там ему были не рады. Марка считали любимчиком тренера, а место в основе списывали на деньги отца, спонсировавшего поездки. В раздевалке он ловил косые взгляды. Вариант со спортсменами провалился.

К счастью, футболисты были не единственной силой в школе. В классе Марка учились три приятеля: Слава, Дима и Рома. Они выросли рядом, но всегда стояли по другую сторону баррикад. Эти ребята не увлекались спортом, не претендовали на медали, и их семьи были бедными. Всё то, что было у Марка, для них было недоступным. Учителя удивлялись, почему эта троица не ушла после девятого класса. Но настоящим шоком стало, когда отличник и спортсмен Марк прибил к этой банде. «Что общего могло быть у этих ребят?» — думали учителя.

Марк знал, что Слава и Дима — два родных брата выросли в бедности. На улице болтали, что их родители когда-то работали на скотобойне, а потом перебивались случайными шабашками. Долго их нигде не держали — пили они чаще, чем сыновья ходили в школу. Роме повезло чуть больше. Его отец, бывший инженер, рано ушел на пенсию по инвалидности и опустил руки. Говорили, что на пилораме ему отрезало пальцы, и Рома помогал отцу в быту. Рома, в отличие от братьев, до поры до времени учился неплохо, но потом забросил школу и стал прогуливать. Учителя пытались его образумить, но без толку. Ему было достаточно того, что приятели признали его неформальным лидером. И именно Рома решал, принять Марка в компанию или нет.

Братья брат Марка не хотели: «Зачем нам этот золотой мальчик?» Но Рома смотрел на него иначе — как на ценный актив, который принесёт дивиденды. Он долго молча разглядывал Марка, словно прикидывая, сколько пользы можно из него выжать. В итоге уличная троица превратилась в квартет. В выигрыше остались все — кроме родителей Марка. Они то и дело выговаривали сыну за заброшенный костюм-тройку, купленный для одиннадцатого класса, и за дорогие отцовские часы, которые теперь пылились в тумбочке.

Марк решил мимикрировать под новую компанию. Одеваться и выглядеть как они. Перестал причёсываться, но это его не портило. Сменил одежду на дешёвые спортивные. Тренировки перенес на ночь, подальше от чужих глаз и насмешек. Марк стал бегать по ночам, когда никто его не видел. В ночной прохладе, среди запахов мокрой травы и сырой земли, он чувствовал себя свободным. Как и по пятницам, когда пил с парнями пиво, прячась от родителей. Узнай они об этом, пришли бы в ужас.

Но вся маскировка не стоила ничего без его денег. Их наличие решило всё: Рома убедил остальных принять богатого мальчика. Кино, бензин для Роминого мопеда и пиво теперь оплачивал Марк. Для них он стал билетом в сытую жизнь. Этот симбиоз держался не на дружбе, а на выгоде. И расчет делал эту связь прочнее любой духовной близости. Выгода сплотила их, но всё это осталось в прошлом.

Фильм заканчивался, а Марк так и не уловил суть. Воспоминания о развалившейся дружбе заслонили экран.

Аня сидела под впечатлением. «Наверняка она спросит сейчас, что я думаю по поводу фильма», — подумал Марк, подбирая ответы. Она часто спрашивала его мнение и удивлялась тому, как легко он угадывает финалы. Сама Аня так делать не любила. Всегда говорила, что нужно быть в моменте. Чтобы понять кино, надо прожить его вместе с героями. Марк думал иначе, но спор не затевал.

Когда мама, Надежда Николаевна, узнала о новенькой из параллельного, она сразу сказала сыну: с женщинами нужно считаться и уважать их.

— Тем более, — говорила мама, — если девушка — сибирячка. Они сибирячки, сынок, очень сильные и независимые.

— Да уж. И мне тоже надо держать ухо востро с Аней? — отшутился тогда Марк.

— Обязательно, — Надежда Николаевна погладила сына по голове. — Всегда будь внимателен.

Урок он усвоил. И теперь сам видел её характер. Понимал и то, почему она выбрала его, хотя с её внешностью Аня могла получить любого парня в городе. Все началось осенью на футбольном матче, когда Марка убрали на скамейку запасных. До финального свистка оставалось несколько минут, победа была в кармане, и тренер решил побережь лучшего игрока. В тот день они и сошлись.

Аня тогда никого в городе не знала и пришла на стадион завести знакомства. Она потом рассказывала Марку, как стояла тогда одна, пока к ней не подкатила уличная троица. Один ущипнул её за бок, второй зашел со спины и попытался обнять. Вокруг стояли десятки парней, но никто не вмешался. Дело принимало скверный оборот. От троицы разило перегаром и дешевым табаком. Церемониться они не собирались.

Аня озиралась по сторонам, вскрикивала от прикосновений и паниковала. Из взрослых рядом были только тренеры и судьи. Но те были слишком увлечены матчем.

— Дим, потрогай ее тоже, — почти захрюкал тот, кто стоял позади девушки, подначивая третьего — единственного, кто ещё не полез к ней.

— Уйдите от нее! — вдруг послышался твердый, как графитовый стержень, голос.

Потом Аня узнала, что он принадлежал Марку. Но в тот момент она думала только о спасении. Марк перетянул всё внимание на себя, и Аня воспользовалась этой секундой и вырвалась к кромке поля. Какой-то тренер увел её к скамейке. Видя, что она напугана, даже ругать за сорванную игру не стал.

Потом Аня ничего не слышала — финальный свисток и крики победителей заглушили стадион. Через пару минут она оглянулась. На старом месте было тихо, но шла какая-то возня. Долетел глухой удар кулака о плоть и тяжелое дыхание. Ещё через мгновение троица нападавших быстро ушла со стадиона. Угроза миновала. Аня вернулась и увидела своего спасителя.

— Меня Марк зовут, — сказал скрючившийся на земле парень.

Избитое лицо заплыло, и Аня не сразу разглядела его черты. Мокрые от пота волосы лезли на лоб, из носа текла кровь. Он тяжело дышал, вытирая лицо рукавом. Под глазом наливалась багровая гематома.

— Аня, — представилась она и протянула руку, помогая подняться.

Вместо опоры Марк просто пожал ей руку по-мужски и улыбнулся. Разбитая губа кровила, но он старался смотреть на неё как можно теплее. В ту секунду он ещё не знал, что эта напуганная девчонка станет для него единственной. Марк проиграл ту драку бывшим приятелям, но сорвал главный куш. Аня полностью заменила ему уличную троицу, которая с того дня окончательно превратилась во врагов.

Хотя полюбила она его точно не за внешность. И тем более не за положение отца, влияние и деньги. Марк привлек её искренностью. Он оставался самим собой. В их общении Аня

чувствовала тепло и поддержку — он слушал её внимательно, понимал без слов. Кроме того, Марк был немного загадочным — внутри скрывалась ранимая душа, что резонировало с её внутренним миром. Она увидела человека, которому можно доверять. В отличие от школьных пацанов, он не навязывался и не красовался силой. Был настоящим.

А сам Марк в тот осенний день встретил свою единственную. Он проиграл драку, но сорвал главный куш. Аня заменила ему троих друзей, ставших врагами.

Фильм подошел к концу, и в зале вспыхнул свет.

«Скорее всего, они будут поджидать нас снаружи», — подумал Марк. Он знал, что бывшие друзья обид не прощают. К его счастью, Аня не стала расспрашивать о фильме, и первая пошла к выходу.

— Надо пораньше домой, — сказала она Марку, когда тот открыл перед ней дверь. В лицо плеснул прохладный воздух.

«Получится ли?» — подумал он, оглядываясь по сторонам.

— Вот и они, — процедил Марк, кивнув на сквер.

Пацаны уже встали со скамейки. Не спеша двинулись наперерез, заходя полукругом, как загонщики на охоте.

— Сейчас начнется, — Марк толкнул Аню за спину. — Что бы ни было — не лезь. Начнет прилетать — сразу рви домой. Поняла?

— А ты? — Аня испуганно вцепилась в его куртку.

Марк не ответил. Троица выросла перед ними. Рома прямо перед Марком залпом допил пиво и с размаху вколотил бутылку в асфальт под ноги. Стекло с оглушительным звонком разлетелось в пыль. Едко пахнуло пивной пеной. Аня вскрикнула. Марк закрыл её плечом, скулы свело. Страх ушел, осталась только глухая злость.

— Ну чё, интересное кино? — Рома заговорил первым. В последнее время он настойчиво примерял на себя роль лидера и всегда говорил от лица всей компании. Братья маячили сзади.

— Интересное, — Марк смотрел ему прямо в глаза.

— А чё пацанов не позвал? Да, Димон?

— Да мы б тоже заценили, — поддакнул из-за спины Дима. Он был мельче Славы, но самым наглым. Вечно прыгал первым, провоцировал драки, а Слава потом заступался за него, пользуясь своим весом. Мышц у старшего не было — просто здоровый, рыхлый центнер веса.

— Хотите, и вам билеты куплю? — спросил Марк. Сам тут же понял, что зря. Слишком вызывающе. Пацаны переглянулись, сужая круг. Марк заметил, как побледнел Рома, а его лицо перекосило от злости.

— Ты чё возомнил о себе, мажор? Думаешь, всё купить можно, как твой папаша?

— Он думает, и пацанов купить можно, — сплюнул Дима. Слава молчал.

— Я не это имел в виду, — Марк держал голос ровно. — Проехали.

— Ни черта не проехали. Променял пацанов на юбку, — Рома ткнул пальцем в сторону Ани. Та стояла не шевелясь. Хватило смелости не пятиться.

— Вы только вдвоем на одного смелые? — звонко бросила она.

Марк посмотрел на неё, но поздно.

— Ты вообще пасть захлопни! — рявкнул Дима, шагая вперёд. — Твоя подстилка много на себя берёт...

Договорить он не успел. В глазах у Марка полыхнуло — он всадил ему хлесткий, бешеный прямой точно в челюсть. Голова Димы мотнулась, и он рухнул на асфальт. Марк тут же отдернул руку и приготовился принимать удар — Слава уже обходил Рому. Рыхлый центнер заносил кулак, собираясь отомстить за брата, когда сбоку крикнули:

— Хорош! Стоять!

Через площадь бежал Семён в милицейской форме. Перегородил дорогу, дыша как паровоз. Драка сразу заглохла.

— Семён, да мы ничё, — Рома поспешно выставил ладони. — Перетираем просто.

— Я вижу, как вы перетираете, — хмуро буркнул тот. Он глянул на Диму — мелкий как раз поднимался, размазывая кровь по подбородку. — Быстро разошлись, брысь отсюда!

— Ладно, — процедил Рома и кивнул своим в сторону парня. Избитый Димон сплюнул кровь под ноги Марку: — Слышь, это не всё. Позже договорим.

— А вы — направо чешите, — участковый показал Марку с Аней на темную аллею. — Крюк сделаете, зато без приключений.

— Спасибо. — Марк взял девушку за руку. Костяшки на правой руке саднили, кожа содралась. Он перехватил её ладонь левой, пряча разбитый кулак в карман.

— Марк, — крикнул Семён вдогонку.

— Чего тебе?

— Это не моё дело. Но ты это... Поаккуратнее с ними. Меня в следующий раз рядом не будет. Пацанов трое, и они на тебя злые. Помирился бы ты по-хорошему.

Парень на миг задумался, а потом ответил:

— Ты прав. Это не твоё дело.

Милиционер махнул рукой и молча ушел.

ГЛАВА 2. Три недели до происшествия.

20 апреля 2007 года. Пятница

Марк проводил Аню до калитки. У забора коттеджа часы Марка показали полночь. На крыльце горел свет. Отец Ани всегда оставлял фонарь, пока все не вернутся домой.

Родители девушки переехали из Сибири прошлой осенью. Своего жилья на новом месте пока что не было — снимали просторный коттедж, пустовавший после отъезда хозяина за границу. Деньги на аренду у отца Ани водились. Ходили слухи, что в Сибири у него была сеть ремонтных цехов для грузовиков, но он внезапно продал бизнес и уехал.

Переезд ударил по всем. Мать Ани осела дома. Тяжелее всех пришлось младшему сыну Васе: он только обзавелся друзьями, как пришлось оборвать связи. Теперь он все выходные проводил у компьютера, общаясь с ними по видеосвязи.

— Почему он не ищет новых знакомств тут? — поинтересовался Марк.

— Переходный возраст, — ответила Аня. — Кажется, он заиклен на моей защите. Ревнует ко всем. Мама тоже это заметила. Любит только меня и Нину Степановну.

— Кого? Химичку?

— Да! Не знаю, откуда страсть к химии, но он обложился учебниками и сидит над ними часами.

— Понимаю его. Будь у меня сестра, я бы тоже её опекал. Но я один. — Марк поправил куртку, спасаясь от сырого ветра. — Отца часто нет дома.

— Мой тоже работает сутками. Ему не до нас, — согласилась Аня.

Они крепко обнялись. Воздух стремительно леденел. Марк вдыхал аромат её волос и смотрел на окна. Отпустить её не хотелось, но время вышло.

Свет в доме погас. Марк вздрогнул, заметив, как на втором этаже шевельнулась плотная штора.

— Вася? — Марк кивнул вверх.

— Наверное. Он сегодня впервые помогал отцу в мастерской. Неужели уже вернулся?

— Вы все-таки открыли сервис? Круто! Не думал, что твой брат рубит в машинах.

— Не рубит. Но отец заставляет. Пока только кофе гостям наливает. Отец бредил этим сервисом с самого переезда. И вот ваш мэр одобрил помещение под мастерскую.

— Мэр? Как договорились? Отец говорил, он принципиальный и противный мужик, выгоду ему не докажешь.

— Мой то же самое говорил, но подпись получил. Мэр сам хотел открыть сервис для сына, да тот оказался лодырем и всё провалил. Вот и отдали место отцу. Теперь Васька будет торчать там вечерами. Всё лучше, чем за мной шпионить.

— Не замечал, чтобы он шпионил.

— Ты просто ослеплен любовью ко мне, — Аня тихо засмеялась. — Ладно, мне пора. Марк притянул её к себе и поцеловал. Аня ответила горячо и нежно.

— Ну всё! До завтра!

Калитка захлопнулась. Марк сморщился и потер кулак — костяшки горели после удара в челюсть Диме. Он обернулся на дом. Свет на верхнем этаже не горел, но чужой взгляд всё ещё жег спину между лопатками.

«Странный этот Вася», — подумал Марк.

До дома — семь километров по шоссе. Или через лес: всего три километра по узкой, петляющей над оврагом тропе. Ночью он по ней ещё ни разу не ходил. Белые кроссовки не годились для лесного спринта, но тащиться час по шоссе хотелось ещё меньше.

Марк поднял воротник, глянул на уходящую в чащу тропу и побежал трусцой. Кроссовки тут же скользнули по сырой хвое.

«Что ж, всё лучше, чем делать крюк по шоссе», — подумал Марк, ускоряя шаг и влетая под кроны. Лес встретил его глухой, давящей тишиной.

— Мы же не оставим это просто так? — после долгой паузы заговорил Рома. Глаза горели злостью. Он смотрел на товарищей, нервно стуча пальцами по деревянной скамье возле кино-театра, ожидая поддержки.

— Нет, — немного подумав, отрезал Слава.

— Я ему морду разобью, — прошипел Дима. Кровь уже не текла, но губа распухла. Дима шепелявил, проглатывая буквы.

— Поддерживаю! — подхватил Рома. — Если бы не Семён, я бы сделал это уже давно! Повезло засранцу!

Слава удивленно посмотрел на вожака. Обычно Рома был последним, кто распускал кулаки. Слышать от него такое было странно: за потасовки обычно отвечал Слава. Но даже у Славы были принципы.

— Ну, на самом деле бить парня при девчонке — запахло, — удивил всех Слава.

— Ты че это несешь, братец? Он мне чуть челюсть не сломал! — Дима набычился на брата.

Рома молча наблюдал за ними.

— Тебе просто лень? — продолжал Дима.

— Нет, — Слава на мгновение замолчал, явно не ожидая такого напора.

— Да! Признай, что раньше ты всегда первым бросался в драку! Тем более, если дело касалось твоих друзей. А сейчас что? Откуда столько сочувствия к Марку? Так и скажи, что ты заплыл жиром и обленился!

Слава тяжело взглянул на брата. Так смотрят на заклинивший механизм перед взрывом. Дима видел, как брат сжал кулаки, но всё равно не унимался.

— Тебе мать уже сто раз говорила, чтобы ты перестал столько есть! Будешь жирным, как батя!

— Заткнись, щенок! — терпение Славы лопнуло. Он навис над братом всей тушей. — У тебя забыл спросить, что мне делать, сколько есть и на кого быть похожим!

— Я — щенок? — Дима, игнорируя сочащуюся из губы кровь, едва не кинулся на брата. — Да ты старше всего на несколько минут! И то не факт — в нашей больнице врачи могли всё перепутать.

— Заткнитесь оба! — Роме надоело их грызня. Он вклинился между братьями. — Что делать будем?

— А какие у нас есть варианты? — спросил Дима, неохотно сдавая назад.

— Марк проводит девку и пойдёт домой. Надо подкараулить его.

— И что? Просто побьем его, как тогда на стадионе?

По лицу Славы было видно, что идея ему не нравится. Он хмуро спросил со скепсисом, явно пытаясь одним видом показать свой протест.

— А почему бы и нет? Пускай знает, как друзей предавать, — Диме не терпелось поквитаться с Марком. Но без Славы дело бы сорвалось.

Пауза затянулась. Дима и Рома выжидающе уставились на Славу. Тот смотрел под ноги.

— Ладно.

Слава сдался. Рома одобрительно похлопал его по плечу. Ещё одна его идея выгорела. Рома планомерно забирал власть в банде, и это тешило его самолюбие.

— А что, если он пожалуется отцу? — вдруг предположил Дима. Решение приняли, и Дима вдруг начал взвешивать риски. Пыл поутих. Но отступить было поздно.

— Не пожалуется, — уверенно сказал Роман. — Он хоть и дурак из-за девчонки, но правильный. Когда мы вломили ему осенью за трибунами, он смолчал. Врачу наплел, что сам упал.

— Точно, — согласился Слава. — Марк — нормальный пацан.

— Может, тогда будешь с ним дружить дальше? Раз он тебе так нравится? — язвительно ответил Дима

Слава промолчал. Он и сам был бы не против дружить с Марком, но шел за большинством. Рома дружбу рубил. Слава видел: вожак завидовал Марку из-за Ани. Её считали первой красавицей в школе, и Рома часто пялился на нее в упор. Слава вспомнил, как на прошлой неделе у крыльца Аня выронила зеленую шелковую ленту. Марк прошел мимо, а Рома подобрал, оглянулся и сунул в карман. Слава тогда смолчал, но сейчас этот жест пугал.

— Любой бы захотел быть на месте Марка, — сказал как-то Дима, когда братья обсуждали Аню между собой.

Слава кивнул. Но злости к Марку, в отличие от Ромы, у него не было.

— Будем его догонять? — спросил Дима.

— У меня есть план получше, — ответил Рома. — Подкараулим его возле дома. Идём.

Троица сорвалась с места. Рома шел впереди, Дима семенил следом. Слава замыкал группу. Он плелся нехотя, показывая, что затея ему не по душе. Но спорить не стал: нужно было держаться вместе.

Марк бежал несколько минут. Он сразу задал высокий темп. Привыкший к нагрузкам, он не волновался из-за расстояния — каких-то три километра лесной тропы. Он бегал такие дистанции ещё с пятого класса.

Но бежать в темноте было трудно. Мгла скрывала и без того узкую тропу. Когда густые кроны полностью загораживали луну, приходилось тормозить, чтобы не оступиться.

На редких открытых участках Марк ускорялся. От рваного темпа мышцы налились молочной кислотой, в икрах зажгло. Дыхание сбилось, стало частым и глубоким. Обычно такое состояние возникало во время футбольных матчей, где частые спринты быстро выжимали силы. Марк даже схватился за бок. Путь домой превращался в испытание.

«Надо было всё-таки пойти по дальнему пути», — подумал Марк, когда снова затормозил. Тропа скрылась во тьме, мимо оврага пришлось пробираться наощупь.

«Что, если они не успокоились и поджидают меня?» — эта мысль беспокоила Марка весь час. Разбитый кулак горел, напоминая: за удар придётся ответить.

«Ещё этот овраг! Тут и днём страшно бегать!» — рассуждал Марк, радуясь, что ночью не видит дна. Глубокий овраг зарос колючим кустарником. Вырванные корни деревьев, точно искореженные могильные оградки, чернели по склонам.

«Сзади кто-то есть? Или сбоку?» — из-за бешеного пульса Марк не мог понять направление. Или показалось?

Марк замер. Тишина. Слышно было только собственное сердце. Сдавленный крик ночной птицы растаял вдали. Вероятность встретить здесь кого-то была мала. Но Марка не покидало ощущение: сзади кто-то есть. По коже пробежали мурашки. Апрельская ночь была холодной. Марк поправил свитер, поежился и снова прислушался. Тишина.

Марк побежал дальше. Впереди тропу заливал лунный свет. Через пару шагов вернулось старое чувство — будто кто-то буравит затылок пристальным взглядом.

Марк ещё раз огляделся. Темнота мешалась со страхом, хотелось спрятаться и поскорее убраться отсюда. Лесной воздух будто разом растерял дневное тепло. Или это страх заставлял его дрожать.

Марк посмотрел в сторону оврага. Оттуда тянуло сыростью — в низинах всегда холоднее. Эта мысль немного успокоила.

«Всему есть разумное объяснение», — вспомнились слова учителя физики.

Марк глубоко вздохнул, утихомиривая пульс, и побежал дальше.

— Слышь, под ноги смотри. Тут же ямы кругом, — Дима придержал Рому.

— Не ямы, а колодцы, — буркнул Слава.

— Че за колодцы? — Рома огляделся.

— Да тут поле под коттеджи разметить хотели. Деньги в девяностых кончились, стройку похерили, а скважины не закопали.

— Чинуша хренов, — сплюнул Рома в темноту. — Под себя всё нагреб, а за собой не убрал. Ублюдок.

— Да при чем тут батя Марка? — Слава пнул кирпич. — Говорю же, до него ещё забросили.

Слава зазевался и чуть не улетел в темноту.

— Стой! — шикнул Рома. — Здесь сядем.

Место было глухое, тропа из леса как на ладони, а из-за кустов их с дороги не видно. Дима присел на корточки — было видно, что вперёд Славки под замес он лезть не горит желанием. Рома сел чуть дальше, поглядывая на шоссе. Прошло полчаса. Пацаны продрогли в куртках, но уйти первым было западло.

— Марка надо проучить, — тихо накручивал Рома. — Хрен он отсюда уйдет.

— Ром, может, он по шоссе пошел? — Дима застучал зубами от холода. — Смысл тут гнить?

— Не должен. Там лопать дольше.

— А если он ее дома остался провожать? — подал голос Слава. — С концами? Кого мы тут ловим?

— Он всегда её до хаты провожает и назад дует. — Жестко отрезал Рома.

— А ты откуда знаешь? — Слава прищурился.

Дима осклабился разбитым ртом:

— Ты че, Ромыч, запал на нее? Серьезно? На мажорскую девку?

Рома промолчал. В темноте не было видно, как он резко покраснел, но голос выдал:

— Рот закрой. За тропой следи.

— Да ладно, че ты... Всё же понятно.

— Шухер! Спрятались быстро! — Слава дернулся назад. — Там, кажется, тачка... а-а-а-бля-а-а-а!

Глухой треск, грохот. Крик оборвался. Дима с Ромой инстинктивно вжались в землю. Снизу, прямо из-под земли, донесся тяжёлый мат и стон.

— Слышь, Слав... Ты че там, грохнулся? — прошептал Дима, подползая к краю ямы.

— Да нихера, в колодец этот улетел! — Слава хрипел от боли. Через минуту он вылез сам. Матерился сквозь зубы и держался за ногу.

— Ты как? — спросил Дима, беспокоясь за брата.

— Нормально. — Слава потер ногу. — Хоть бы люк кинули, уроды. Кто нарыл эти колодцы?

— Хорошо, что этот неглубокий оказался, — Рома обрадовался, что разговор съехал с Ани на колодцы.

Вдалеке полоснул свет фар. Слава мотнул головой на дорогу. Тачка медленно проехала мимо них, высветив обочину, и повернула к дому Марка.

— Батя его катит, — Рома брезгливо сплюнул. — Ворюга.

— Ага, и стопудово сам не рулит, водила везет, — подхватил Дима. В голосе сквозила зависть.

Слава промолчал. Он поднялся, держась за щиколотку.

— Подвернул? Ходить сможешь? — Дима глянул на брата.

— Ерунда, — отмахнулся Слава. — Слышите, а если Марка батя подобрал? Пацан просек, что мы его пасем, и набрал отцу, чтоб забрал его?

— Мог, — согласился Рома.

Порывистый майский ветер продувал ветровку насквозь. Рому трясло от холода, но давать заднюю перед пацанами было нельзя. Сжав зубы, он отрезал:

— Ждем ещё пять минут. Если не придёт — расходимся.

— Лады, — в один голос буркнули братья.

«Что б я ещё раз выбрал эту дорогу!» — думал Марк, мечтая поскорее оказаться дома. Он сильно дрожал — то ли от холода, то ли от страха. Лес превратился в кошмар.

Марк смотрел под ноги. До безопасного поворота оставалось всего несколько метров. Он побежал быстрее, но подошва поехала по скользкой глине. Теряя равновесие, он вслепую уцепился за куст. Боль прошла ладонь, словно ветки оцетинились лезвиями. Мелкие шипы глубоко впились в кожу.

Зато он не упал. Марк удержался на ногах. Левый кроссовок намертво увяз в жиже — Марк почувствовал, как липкая грязь, словно сырой цемент, сковала стопу. Кроссовок моментально промок. Марк раньше не замечал, что на этой тропе есть такой опасный участок. В темноте обрыв выглядел укатанным. Марку даже почудился след чужой подошвы.

Останавливаться Марк не стал. Побежка превратилась в опасную игру. Теплее не становилось, а нога, попавшая в грязь, тяжелым грузом тянула его в левую сторону. Он терпел из последних сил, и, когда тропа наконец повернула к прямой, ведущей к дому, он снова побежал, кренясь на один бок. Треск веток за спиной затих.

Ещё сотня метров — и лесная тропа сменилась более широкой утоптанной дорожкой. Из-под ног летел гравий. Камешки, застревая в подошве, отскакивали в стороны.

Марк бежал уже расслабленно и легко, до дома оставалось пара минут. Перед самым выходом из леса он опустил голову, чтобы глянуть на грязный кроссовок, но тут же уловил сбоку движение. Ветка хлестнула перед лицом — Марк едва успел вильнуть головой, избежав нокаута. Хлестнуло вскользь по виску, расцарапав кожу. От неожиданности он потерял равновесие, но сгруппировался. Ошарашенный Марк огляделся. Ветка тихо покачивалась.

«Всего лишь дерево!» — Марк пытался успокоить себя, но понимал: её оттянули специально. «Но кто?»

Марк пошёл дальше. Наконец он вышел к пустырю. Коттедж, освещённый луной, стоял на возвышенности, словно средневековый замок из рыцарских романов. «Пожалуй, папе стоило бы выбрать жильё поскромнее», — подумал Марк, сочтя свой дом слишком пафосным.

Марк почти вышел к дороге, как вдруг из кустов донеслись голоса и послышались шаги. Навстречу Марку двигалась компания бывших друзей. Слава уже был на расстоянии вытянутой руки. Позади него чуть медленнее, словно подкрадываясь, шли Дима и Рома. По их ромам всё было понятно, Марк встал в стойку.

— Вы совсем ничего не понимаете? Я кому сказал разойтись?

Из темноты со стороны леса вырос силуэт участкового. Семён матерился на ходу, быстро приближаясь.

— Ты че, следишь за нами? — Рома первым очухался.

«Марк удивленно наблюдал. Семён снова выручил его. *Откуда он взялся?* — пронеслось в голове. — *Он что, тоже был в чаще? Это он меня пугал?*»

— Откуда? Тебя это волновать не должно, — начал Семен, и выписал Роме тяжёлый подзатыльник. — Опять рамсы разводишь? Я ж вас, уродов будущих, насквозь вижу.

— Эй, ты чего себе позволяешь? — огрызнулся Рома. — Руки убрал, слышь!

— Разошлись! — закричал Семён. Он дернулся было надавать ещё лещей, но шпана уже отвалила назад.

— Идем, пацаны. Кажется, у нашего мажора личная охрана появилась, — Дима привычно харкнул под ноги Марку.

Троица потащилась к шоссе. Слава плелся сзади, заметно хромя.

— Это ты в лесу был? — Марк обратился к Семену.

— Чего? — Семен удивленно глянул на него.

— Откуда ты появился? Из леса? — продолжал Марк.

— А, ты про это... — участковый нервно укусил ноготь на пальце. Давняя школьная привычка. Даже став взрослым, он не избавился от неё. Семён достал сигарету, прикурил и глубоко затянулся. — Делать мне больше нечего. Я вон там машину поставил.

Марк проследил за пальцем участкового. Старые «Жигули» стояли у обочины.

— Я так и думал, что они тебя будут поджидать. Шпана обычно не прощает таких обид. Так что тебе повезло, что я сегодня в ночь дежурю.

— Понятно.

— Будешь? — Семён показал Марку на сигарету.

— Нет, спасибо. Я, пожалуй, пойду.

Марк направился к дому. Семён же пошёл к машине.

— Марк, — участковый вдруг окликнул парня.

— Чего тебе?

— Ты хоть бы спасибо сказал, — Семён самодовольно осклабился. — Я тебе сегодня лицо спас. Схлопотать при девчонке — последнее дело.

Марк молча смотрел на него. Взгляд инстинктивно упал вниз. К ботинкам Семёна липли серые комки глины. Точно такой же, которую Марк только что притащил на подошвах из леса.

— В другой раз меня может не быть рядом, — Семён харкнул под колесо. — Девку свою защитить сможешь, если что? А?

— Спасибо, — наконец выдавил Марк.

Марк резко развернулся и зашагал к дому. Семён молча сел в машину и хлопнул дверью.

ГЛАВА 3. Две недели до происшествия.

27 апреля 2007 года. Пятница.

— Ты ещё не передумала поступать на медицинский? — Марк смотрел на Аню, ожидая ответа. Они встретились, как обычно, у здания школы возле одинокой яблони на заднем дворе.

Девушка пожала плечами. Она явно раздражалась.

— Почему ты постоянно это спрашиваешь? Это мой выбор.

После стычки у кинотеатра прошла неделя. До конца учебы оставался месяц, и то, чем они предпочитали молчать, теперь нельзя было игнорировать. Аня метила в медицинский — университет был в областном центре. Ради него семья и уехала из Сибири. Марка отец отправлял в Москву, на юридический. Разлука приближалась.

— Я волнуюсь за тебя, — начал Марк. — Медицинский — это тяжело. Стресс, ответственность...

— Марк! Я хочу попробовать. Неужели думаешь, я поверю в эту заботу?

Голос Ани прозвучал так резко, что Марк вспомнил слова матери про сибирячек — те умели зацепить за живое. Каждое слово кололо, как игла.

— Признай, что ты думаешь только о себе! — продолжала девушка.

— Я думаю о нас! — Марк не собирался уступать. Его раздражало поведение Ани. Злило решение отца отправить его в Москву — спорить с Сергеем Владимировичем было бесполезно, он никогда не менял решений. Но сильнее всего задевало, что её родители искали любой повод сорвать их встречи. Сегодня Аня пропала из-за какого-то родственника. Тот вызвался отвезти её в универ на день открытых дверей — якобы через свои каналы. Марка бесило всё. Мир рушился.

— Если бы ты думал о нас, то принял бы моё решение, — отрезала девушка. — И подстроился бы под него.

— Я не против твоего выбора. Поступай, лечи людей. Но поехали в Москву! Там тоже есть медицинские вузы!

— Наш университет ничем не хуже столичных, зато в него я точно поступлю. А в Москве у меня никаких связей.

— Ты умная — поступишь и без связей. Стоит только попробовать. Ты даже не думаешь об этом!

— А ты тоже не думаешь о том, чтобы не ехать в свою Москву.

— Это воля моего отца...

— Вот именно! Это не твоё решение, Марк! Ты сам туда не хочешь. Зачем ехать через силу?

— Отец уже всё решил. Тебе легко говорить, твои предки не такие строгие.

— Ты не знаешь, какие у меня родители. И ты делаешь всё, чтобы я не узнал... — Марк осекся, едва сдерживая обиду.

— А может, это ты так делаешь? — Аня сорвалась на крик. — Ты сам говорил, что хотел бы заниматься другим. Точно не политикой. Тебе же нравится журналистика, спорт.

— Знаешь, и медицина — не единственный способ спасти жизни, — Марк невесело усмехнулся. — Ты же ради этого хочешь стать врачом? Чтобы помогать людям?

— Ну-ка, удиви меня, — Аня скрестила руки на груди. — Где ещё можно?

Вопрос Ани выбил его из колеи.

— Спасатель! — выпалил он, радуясь, что закрыл паузу.

— И много девчонок-спасателей знаешь? — Аня улыбнулась.

— Ну ладно, не так много. Мой косяк, плохой пример.

— Ещё варианты будут? — Аня с видом победительницы покосилась на него. Марк стоял у дерева, опустив голову.

— Соработник, учитель, психолог, мент, наконец! — он сорвался на раздражение.

— Ты чего? Не разговаривай со мной так!

Марк вспомнил мать и остыл.

— Прости. Ты же знаешь, я не хочу, чтобы мы разъехались по разным городам.

— Так не езжай! — Аня вскипела. — С возможностями твоего отца перед тобой весь мир. Мед — моя мечта, я к ней иду. Почему ты не можешь?

— Папа, — отрезал Марк и отвернулся. — Он впахивает ради моего будущего. Его слово — закон. Я не пойду против отца.

— Значит, ты и сам хочешь туда!

— Как ты можешь? Я хочу быть с тобой.

Они сели на лавку и уставились на облупившийся фасад школы. Ремонт был необходим как зданию, так и их отношениям. Первый урок должен был начаться с минуты на минуту. Передышка была необходима обоим — они сидели молча, как выдохшиеся бойцы.

— Ну, конечно, я хочу в Москву, — начал Марк тише. — Пока тебя не встретил, только туда и хотел.

Аня посмотрела на него уже без злости, и Марку показалось, что она оценила его честность.

— Ну вот. Теперь появилась я и расстроила все твои планы? — Аня улыбалась.

— Расстроила. Но почему ты свои не меняешь? — Марк снова пошел на принцип.

Аня недовольно посмотрела на него.

— Я же попросила: не говори так со мной!

— А то что? — вдруг завёлся Марк.

— Ничего. Просто пойдёшь искать другую. Кстати, может, папа тебе укажет, с кем встречаться? — произнесла Аня и тут же прикусила язык. По её растерянному лицу Марк понял: она пожалела о сказанном, но было поздно.

Он уже поднялся. Медленно обойдя лавку, он остановился над Аней, едва сдерживая дрожь. Наклонился к самому её лицу и яростно, почти в ухо, прорычал:

— Никогда. Больше. Не трогай. Моих родителей! Ясно? Не тебе их судить!

Аня замерла. Она судорожно глотнула воздух, но горло перехватило — внутри всё сковало от его напора.

— Он обижает тебя? — сзади раздался звонкий, по-детски чистый, но воинственный голос.

Марк обернулся. Рядом будто из-под земли вырос Вася. Взъерошенный, готовый ринуться в драку, брат Ани со злостью смотрел на Марка.

— Всё в порядке, — поспешно ответила Аня, не ожидавшая, что их подслушивают.

— Я слышал, как он на тебя орал! — не унимался Вася. — Зачем ты ему позволяешь?

— Вася, прекрати! Ты мне не отец, чтобы лезть в мои дела!

— Да был бы сейчас тут папа, то уже надрал бы ему зад! Не зря папа говорил, что он тебе не подходит! Отойди от неё! — последние слова были адресованы Марку. Тот стоял ошарашенный, не успевая вставить слово.

— Вася, успокойся! — сказала Аня. — Мы просто поспорили — такое бывает.

Вася неуверенно покосился на Марка и немного поумерил пыл. Марк решил сделать шаг навстречу и протянул руку.

— Марк.

— Не уверен, что нам обязательно надо знакомиться, — перебил его Вася, но руку пожал. — Она всё равно будет учиться в другом городе. Так что всё это ненадолго.

«Надо же! И он туда же!» — подумал Марк. Слова Васи его задели.

— Вася, кстати, тоже следит за футболом, — перевела тему Аня.

— Правда? — Марк сделал вид, что ему побоку. — Хочешь, я поговорю с тренером, чтобы он взял тебя к нам в команду? Я у него на хорошем счету.

— Что скажешь, Вась? — Аня обрадовалась, что они нашли общий язык.

Но Вася смотрел в сторону, будто его это не касалось.

— Не стоит. Я уже проходил отбор. Ваш тренер сказал, что бегаю я быстро, но в футболе надо думать головой.

— Он всем так говорит, — ответил Марк. — Ты главное не сдавайся. Скоро наш выпуск уйдёт, появится много мест. Он сам за тобой прибежит.

— Разберусь, — буркнул Вася. Было очевидно: принимать помощь от парня сестры он не собирался.

— Ладно, я пошёл на уроки. А ты — не опаздывай, — он кивнул сестре на двери.

— Хорошо, иду за тобой, — Аня проводила брата улыбкой и повернулась к Марку. Тот потянулся обнять её, забыв про ссору. Но Аня уже не улыбалась — она отпихнула его локтем в бок.

— С чего ты решил, что я буду с тобой разговаривать после того, как ты на меня накричал? То, что я защищала тебя при Васе, не значит, что я простила. Я жду твоих извинений. Но не сейчас — мне пора!

Аня пошла к школе, не оборачиваясь.

— Но мы же увидимся в воскресенье? — крикнул ей вслед Марк. — Так мне поговорить с тренером?

Аня не обернулась.

— Ань? — окликнул ее Марк громче, привлекая внимание толпы.

Девушка повернулась у самой двери.

— Да, — коротко ответила она.

— Что да?

— Да — поговори с тренером. А насчет воскресенья... я подумаю.

Дверь захлопнулась. Марк выдохнул и пошел в школу.

ГЛАВА 4. День происшествия.

12 мая 2007 года. Суббота.

Последние две недели вышли для Марка на редкость неудачными. Утренняя вспышка гнева у школы разрушила всё. Извиниться не получилось: Аня ни на следующий день, ни через неделю не приняла извинений. Марк пытался себя успокоить: возможно, погруженная в мысли о медицинском, она просто игнорировала его. Однако он всё же винил себя и её родню — те, по словам Васи, были против них.

Напряжение росло. Марк стал резким, нервным. Сначала сорвался на одноклубника во время матча из-за паршивого паса. Когда заступился тренер, Марк переключил гнев на него и послал куда подальше. Наказание прилетело сразу — его отстранили от игр до конца сезона. Только из-за отца его не выперли из секции, оставив на индивидуалке и скамейке запасных. Это унижало.

— Какого чёрта ты творишь? — отец в гневе не выбирал слов.

У школьного крыльца он устроил Марку допрос — они только что вышли от тренера. В душном майском воздухе отчетливо пахло пылью. Сергей Владимирович раздраженно сорвал с шеи галстук и зажал его в кулаке.

Парень не знал, что ответить. Проблемы, от которых он бежал, накрыли разом.

— Я больше не буду, пап, — выдавил Марк. С отцом лучше было не спорить.

— Это всё из-за неё, да? — спросил Сергей Владимирович. — У вас не клеится?

Марк понуро опустил голову. Что ответишь, если сам ничего не понимаешь? Почему Аня, ещё вчера влюбленная, не приняла извинения, когда он подкараулил её после уроков в прошлый четверг?

— Всё хорошо, пап, — буркнул Марк. Разговаривать об этом он не хотел. Отец прекратил расспросы. Тяжело вздохнул, достал ключи и пошел к машине.

Уже в служебной машине Марк заметил Васю. Наверняка знает, что они поссорились, и теперь радуется — от этой мысли Марка захлестнуло презрение.

Марк пообещал себе сдать экзамены на отлично и засел за учебники. Жизнь вроде налаживалась, но субботнее утро нанесло новый удар.

Из раздевалки после физкультуры украли телефон. Марк помнил железно: перед уроком запер его в шкафчике. Ключ на пластиковом брелоке до сих пор лежал в кармане, глухо брякая при шаге. Всё это он выложил Семёну, приехавшему по вызову. Участковый сразу взялся за дело: опросил Марка, потом одноклассников. Возможно, из-за статуса его отца милиция подошла к делу серьезно.

Семён пообещал найти вора, но посоветовал Марку вспомнить, где он был с трубкой.

— Ты вон по лесу бегаешь, может, там и выронил? — предположил Семён. При этом он потянулся к карману рубашки за сигаретами, но вовремя вспомнил, что в школе курить нельзя, и привычно прикусил ноготь.

— Я точно знаю, что телефон был здесь, — настаивал Марк, кивнув на шкафчик. *«А вот откуда ты знаешь, где я бегаю?»* — подумал он.

За последние недели Марк выходил на пробежку всего пару раз. Откуда Семён про это знал? Марк обошел места, где почудилась слежка. Но на глине не было чужих следов — только его собственные. А ветка, ударившая по лицу, днем уже не казалась ловушкой.

Позвонить Ане теперь нельзя. Да и стала бы она говорить? Последние дни он каждый вечер повторял один и тот же ритуал: караулил у дома Ани и смотрел на окна её спальни. Вчера его едва не обнаружил в кустах отец Ани, возвращавшийся из сервиса. Фары внедорожника осветили укрытие — Марк едва успел прыгнуть в колючки и затаить дыхание. Он здорово испугался, но, несмотря на страх, сегодня собирался проделать то же самое.

— Вы только посмотрите, какая камера! — Дима вертел в руках украденную трубку. С восторгом клацал по кнопкам, и экран ярко светился в полумраке.

Слава сидел рядом с кислым видом. Кража ему не нравилась, но спорить не стал — угрюмо залипал в свои кроссовки, скрестив руки на груди. Зато Рома, который всё и заварил, скалился — радовался мести.

— Это ещё не всё, — ухмыльнулся Рома. — Я кое-что покруче придумал.

— Ты уже всё классно придумал, — Дима нервно засмеялся и затушил бычок о край лавки. — Когда ты успел стащить его ключ?

Рома самодовольно осклабился.

— Я ничего не стащил, — сказал он, кайфуя от внимания. — К моему бате на днях завалился брательник — такой же додик, как и сам старик. Проболтался, что сторожил в нашей школе пару лет назад. Выперли за пьянь, а универсальный ключ от раздевалки не отобрали. Наплел директору, что прохлопал где-то. Они хотели ночью туда залезть, мелочи у пацанов на бутылку нарыть — я слышал, как они это перетирали. Батя даже не просек, что я на кухне затаился и всё мотаю на ус. Короче, я у дядьки этот ключ из куртки дернул, пока они курили. Я же наизусть помню, где шкафчик Марка стоит. Сразу догнал, как его нагнуть.

— И всё равно меня послал красть. Хитрый ты, Рома, — Дима обиженно зыркнул на вожака. — Если бы меня засекли, что тогда?

— Ты же не сдал бы меня, а, Дим? Своих не сдаем, если прижмут. Уговор, пацаны?

По тому, как Рома выдал это «пацаны», было ясно — он боится. Дима лишь молча кивнул в ответ:

— Уговор.

— Уговор, — добавил Слава.

Рома слегка потёр ладони.

— Да этот мобильник — так, херня, а не месть. Мажорчику папаша завтра новый притащит. Надо у него забрать то, от чего он реально взвояет. Бабу его заберем! Не хрен ему с ней тереться. — У Ромы лихорадочно блеснули глаза, пальцы до белых костяшек сжали краденый мобильник.

— Что? Каким образом? — спросил Слава. Он насупился, явно не разделяя восторга жожака.

— Стрелу ей забьем от его имени с этой же трубки. И снимем на камеру, как она припадает к нам.

— Ром, слишком много рисков, — буркнул Слава. — Она уже знает, небось, что трубу отжали.

Рома гнул свое.

— Да вы не в курсе, по ходу, они давно разругались, — ухмыльнулся Рома. — Я узнавал. Короче, пишем ей. Она думает, что идёт на свидание. Мы снимаем всё на камеру и раскидываем видео всем в школе, у кого мобила есть.

Пацаны сомневались, но Рома продолжал давить:

— Она пойдёт на свидание в лес. Туда, куда они обычно сами ходили. Марк просечет, что её вытащили на их точку, и конкретно взбесится.

— Стоп! А ты откуда знаешь, что они в лесу встречаются? — перебил Слава. Он прищурился, пристально глядя на жожака.

— Сам видел! Неважно. Главное — как Марка бомбанет. Вот увидите, он сорвется. Действовать надо быстро, прямо сегодня. Только уговор: на стрелу к ней иду я. А вы держитесь сзади и снимайте. Я её чисто припугну. В лесу много не надо. Будете сзади ветками хрустеть. Кино снимем, как ужастик!

— Ладно, Ром! Мы с тобой, — Диме надоело тереть базар. — Слав, а ты как?

Слава подумал и молча кивнул.

— По рукам! Сегодня будет весело!

— Сынок, ты куда собрался? — спросила Надежда Николаевна из прихожей.

Марк шнуровал кроссовок и молча посмотрел на неё. Он обещал родителям готовиться к экзаменам. Парень с силой дернул шнурки, до боли в пальцах, но ничего не ответил.

— Папа сегодня поздно приедет, — продолжила Надежда Николаевна. — Заедет в автосервис, оставит там машину. Побудь дома.

— Какой сервис? В области?

— Нет. Вроде как в сервисе у отца твоей бывшей.

— Мам, я же просил. У неё имя есть.

— Что, мам? Она уедет в свой университет, ты — в свой. Поиграли и хватит. Вы всё равно уже не общаетесь. Я же вижу...

— Мам, это не твоё дело! — Марк резко оборвал её. — Тем более папа сказал, что всё уладит, и Аня, возможно, поедет в Москву со мной!

Мать замолчала и устало прислонилась к косяку, скрестив руки. Этот её привычный беззащитный вид всегда безотказно бил по больному — внутри у Марка всё сжалось.

— Ничего, — буркнул под нос Марк.

— Ты к ней? — холодно спросила мама.

— Нет, просто прогуляюсь.

— Ладно. Только не очень долго. — Мать недоверчиво прищурилась, но развивать спор не стала.

— Хорошо. — Марк быстро чмокнул маму в щеку, лишь бы прекратить этот допрос, и через минуту уже бежал по улице.

Аня не находила себе места. Гордость и страх потерять Марка мучили её.
«Откуда во мне эта дурь?» — спрашивала она себя, глядя в потолок.

Она помнила, как глупо отшила его. А когда он пришел извиняться — решила показать характер и не взяла цветы. А ведь всё было хорошо. Она почти поступила, куда хотела, и планировала на каникулах ездить к нему. Зачем всё испортила?

На душе было паршиво. В субботу они всегда виделись. Но сегодня она торчала дома с матерью, залипшей в сериал. Отец и брат пропадали в мастерской, папа вообще провел там весь день. Вася ушел на подмогу вечером.

Телефон на журнальном столике коротко и требовательно завибрировал.

«Марк, ты услышал меня?» — подумала Аня и схватила трубку. Тот, кого она упорно игнорировала, напомнил о себе. Радость тут же сменилась паникой.

«Через полчаса?»

Девушка бросилась к гардеробу. Обычно Марк давал больше времени на сборы. Видать, совсем соскучился.

Она наспех натянула колготки, выбрала платье и взглянула в зеркало — оттуда на неё смотрела симпатичная девчонка. Выглядела отлично. Из открытого окна тянуло сыростью. На ноги девушка надела черные ботинки, в которых было удобно ходить по лесу. Значит, Марк снова звал в лес.

— Где мой фонарик?

Аня перерыла шкаф и наконец нащупала на верхней полке подарок Марка — тяжёлый фонарь из матового металла с гравировкой «МА».

— Хорошо! Теперь я готова!

Направляясь к выходу, она невольно вспомнила, как Марк просил её никогда не ходить через опушку в одиночку. Он предупреждал насчет темноты, глухого леса и своих бывших дружков, которых действительно стоило опасаться. Тогда это казалось ей пустой паранойей, но сейчас, глядя в чернеющее окно, Аня кожей почувствовала страх.

— Надеюсь, он осветит мне дорогу, — тихо прошептала она, прижав фонарь к груди, и осторожно прикрыла за собой тяжелую входную дверь.

ГЛАВА 5. Ночь происшествия.

12 мая 2007 года. Суббота.

В эту минуту Марк торопился к её дому. Он был уверен, что Аня до сих пор дуется в своей комнате, и на бегу прикидывал, как с ней помириться. Парень сердился на Семёна, гадал, куда делся телефон, и даже не подозревал, что его мобильник уже отключен и лежит в кармане у Романа. Марк ускорил шаг, подгоняемый странным предчувствием — словно кошмар этой ночи уже пришел в движение.

ГЛАВА 6. Сразу после происшествия.

12 мая 2007 года. Суббота.

Своя машина по молодости — роскошь. Можно хвастаться перед пацанами, подвозить девчонок, которые раньше тебя не замечали, или гонять по работе. Сидя за рулем, Семён прикинул: тачка нужна для дела, свиданий и понтов. Он улыбнулся, кайфуя от свободы четырех колес, и похлопал ладонью по потрескавшемуся, липкому от грязи рулю.

В последнее время эта «копейка» служила ему только для службы. Но сегодня был другой вечер. Машина пригодилась. В самую чашу на ней было не пробраться, поэтому Семёну пришлось оставить её у обочины, надежно спрятав в густых кустах.

Довольный, взбудораженный участковый выруливал из лесополосы. Свои дела в чаще он закрыл. Всё прошло идеально, и этот вечер он запомнит надолго.

Семён радовался, что сумел тронуться с обочины незамеченным, как вдруг впереди, прямо в свете фар, выросла темная фигура — по обочине медленно шел человек.

— Чёрт! — выругался он про себя.

В то же мгновение «Жигули» на съезде забуксовали, взревев мотором на сыром гравии. Фигура на дороге замерла, выпрямилась и уставилась на фары.

«Да это же Марк! — участковый чуть не вскрикнул. — Что он тут делает?»

— Подкинуть? — предложил Семён, когда машина наконец выбралась на асфальт и затормозила рядом с парнем.

И тут же пожалел о своем предложении: ноги Марка были по колено в грязи. «Перемажет весь салон, урод», — раздраженно подумал участковый. К счастью, парень лишь молча качнул головой и глубже засадил руки в карманы.

— Домой топаешь? — спросил Семён. Вид Марка его явно напрягал.

— Ты б лучше трубу мою искал! — огрызнулся парень.

— А ты б лучше время не терял. Опять принцессу свою караулишь? Думаешь, простит?

Марк резко вскинул голову. По его окаменевшему лицу Семён понял, что попал в цель. Парень угрожающе уставился на участкового.

— Что ты сказал? — Марк угрожающе уставился на участкового.

От тяжелого взгляда Марка Семён сначала вжался в сиденье и чуть не принялся грызть ногти. Но быстро взял себя в руки, опустил стекло пониже и высунул голову. Машина стояла на дальнем свете. Мимо с диким ревом пронеслась фура, оглушив их яростным гудком. Поток воздуха качнул «копейку» и обдал парней запахом жженой резины.

— Я говорю, что ты как сопляк бегаешь за своей Аней уже вторую неделю, а она всё равно тебя динамит. — Семён давил на больное, видя, что первая фраза не добила. — Над тобой уже весь город смеётся!

Лицо Марка пошло пятнами — даже в темноте это было заметно.

«Вот теперь в точку!» — подумал Семён, смакуя мелкую победу. Он снова впился зубами в кожу у ногтя, пряча глаза в тени салона.

— Тебе откуда знать? — Марк быстро взял себя в руки. Голос звучал ровно. — Тебе откуда знать про отношения? Что-то я с тобой ни одной бабы не видел.

— Об этом весь город знает... — Семён начал было отвечать, но осекся — понял, куда тот гнет.

Марк продолжил:

— Не тебе меня учить, Семён. Ничему ты меня не научишь. Где твоя девка, напомни? А?

Марка явно несло. Семён видел, что этот день стал для сынка местной элиты настоящим испытанием, но его злая тирада про чужую девку заставила участкового внутренне податься.

Семён просто подвернулся под горячую руку. Поводы для уныния копились у Марка всю неделю. Хуже всего стало ещё вечером у дома Ани — в её окнах было темно, только на первом этаже мерцал экран телевизора. Аня его совершенно не переваривала. Куда она делась? В попытках понять это Марк торчал в засаде почти час. Когда во двор снова вернулся её отец, он полоснул фарами по глазам, заставив парня прыгнуть в кусты — там Марк и уделал кроссовки в грязи.

— Когда в следующий раз тебя будут бить, я просто пройду мимо! — сказал на прощание Семён из салона машины, а потом поднял стекло и рванул с места — насколько хватило сил у старого движка.

Марк ничего не ответил. Он пошёл к дому, опустив голову. Стычка с участковым добила его. Ночной туман пробирал до костей, но Марк не чувствовал холода. На душе было паршиво.

Он решил: даже если у забора его караулит шпана, драться он не будет. Сил не осталось. Злость на Семёна быстро перегорела. Внутри осталась только мертвая, сосущая пустота.

Марк шел молча, шарахаясь на обочину каждый раз, когда мимо проносились попутки.

ГЛАВА 7. 1 день после происшествия.

13 мая 2007 года. Воскресенье.

Марк проснулся утром от стука в дверь. Дома никого не было. Марк понял это, когда стук повторился — громче и настойчивее, заставив его подняться с постели.

Когда Марк открыл дверь, на нём была только фланелевая пижама — подарок, который мать сделала ему на прошлый Новый год. Тратить время на переодевание и душ он не стал. С порога в лицо плеснуло сырым майским утром.

— Семён? — Марк удивился. Лицо участкового было хмурым. Рядом с ним стоял чужак.

— Вы — Марк? — начал незнакомец.

Семён не ответил и молча разглядывал Марка в упор. Мужчина рядом с ним был тощим и серым. Настолько блеклым, что взгляд на нем не задерживался. Утреннее солнце падало на лицо гостя, делая незнакомца ещё более прозрачным.

Внутри всё сжалось. Марк всю ночь ворочался после ссоры с Аней, и этот утренний визит отдавал бедой.

— Да, это я, — выдавил Марк, глядя на серого человека.

— Это мой коллега, — буркнул Семён, опережая вопрос. Отодвинул Марка плечом и без приглашения шагнул в дом.

— Мы же можем войти? — вежливо спросил незнакомец, заходя следом. — Из взрослых есть кто-то дома?

— Не знаю, — ответил Марк и крикнул: — Мам? Мам! Вы где?

Эхо покатилося по коридору. Тишина.

— Наверное, мама с папой на заднем дворе, — буркнул Марк. «Наверное, возьтятся в саду», — подумал он. Босые ноги заныли от холодного паркета.

— В принципе, мы можем поговорить и без них. Вам же есть восемнадцать? — серый так и не представился, но продолжал выкать.

«Не к добру это», — подумал Марк. Вежливость чужака напрягала. На «вы» его в последний раз называл директор школы, когда распекал за плохое поведение и позорище для отца-чиновника. Марк тогда промолчал. Вот и сейчас отвечать не спешил.

Пауза незнакомца не смутила. Марк кожей чувствовал исходящую от него холодную уверенность человека, привыкшего помыкать другими.

— Где вы были вчера вечером, Марк Сергеевич? — спросил он сухо, но мягко, нащупывая подход к парню.

Марк опешил. Внутри снова ворохнулась беда. Гость, словно уловив его секундное замешательство, добавил ещё мягче:

— Простите, я не представился. Меня зовут Андрей Алексеевич. Я — старший следователь прокуратуры. Утром приехал из области, чтобы...

Вдруг серый замолчал, резко оборвав фразу на полуслове. Марк поймал этот затык, по спине побежали мурашки — предчувствие страшного, что уже случилось, но ещё не озвучено.

— Вчера вечером он торчал у её дома. Так ведь, Марк? — Семён влез вместо него. — Я его на трассе перехватил, грязного, ободранного. И ещё...

— Стоп! — оборвал следователь, и Семён заткнулся. — Пусть сам говорит. — Андрей Алексеевич потер лоб и прошелся по гостиной. — Значит, Анна была вашей девушкой?

Холод прошил Марка до костей. В комнате будто выключили воздух. «Странный вопрос», — подумал он. «У её дома? Была? Почему была? Она есть».

У Марка перехватило дыхание. Дошло, почему они здесь. Почему его сразу взяли на мушку. Это не оговорка. Лицо мгновенно стало мертвенно-белым, кровь застыла.

Марк открыл рот, но не смог вытолкнуть ни слова. Он жадно глотнул воздух, но получился лишь хрип. Он сжал кулаки, вцепившись пальцами в пижаму, удерживая равновесие, и выдал:

— Почему вы сказали — была? — голос прозвучал хрипло, будто после нескольких дней жажды. Марк закашлялся, в горле саднило.

— Может, вам лучше присесть? — Андрей Алексеевич, видя, что парень падает, указал на диван. Настойчиво взял за руку, усаживая. — Семён, воды, — скомандовал он.

— Почему? Почему «была»? — твердил Марк, оседая на диван. Он жадно глотал воду из стакана, который протянул участковый. Стекло мелко стучало о зубы — руки ходили ходуном.

— Анна найдена мёртвой сегодня утром, — четко, без запинки отчеканил Андрей Алексеевич. Эти ровные, страшные слова покатались по комнате, лишённые всякого сочувствия.

Семён забрал стакан и опустил голову, уставившись на свои изгрызенные пальцы в багровых болячках, которыми сжимал влажное стекло.

— Как? — тихо спросил Марк. Слез не было — только мертвая пустота, будто выкачали воздух. Глаза остекленели, уставившись в ковер.

В то же мгновение комната потеряла звуки. Голос Андрея Алексеевича, шум улицы за окном, даже собственное дыхание — всё стихло, будто Марка заживо заколотили в тесный ящик. Восемнадцать лет жизни не готовили его к слову «мёртвой». Мозг до боли цеплялся за узор на ковровом ворсе, наотрез отказываясь впускать в себя эту информацию. Это ошибка. Глупый, злой розыгрыш. Аня не могла умереть, ведь ещё совсем недавно она сердилась на него у той лавки, дышала, спорила... Это просто не могло быть правдой. Марк не мог принять это.

— Как? — повторил он ещё тише.

— Мы думали, это ты нам расскажешь! — громко выкрикнул Семён, но следователь жестко осадил его.

— Я? Причём тут я? Вы же не думаете?.. — Марк дернулся к Семёну, пытаясь оправдаться, но осекся. Шок прошел, пришло осознание. «Её убили?» — он с ужасом уставился следователю в глаза.

— Нам пока почти ничего не известно, — уклонился Андрей Алексеевич. — Но если вы видели её вчера вечером, то поможете нам разобраться.

— Да что с ней произошло? — Марка трясло от его недомолвок, но каменное лицо Андрея Алексеевича говорило само за себя — ответа не будет.

— Что здесь происходит? — со стороны задней двери раздался грубый мужской голос. В гостиную вошел Сергей Владимирович, за ним — мать Марка.

— Сергей Владимирович... — начал было Семён, но следователь снова его осадил.

— Сергей Владимирович, позвольте представиться... — следователь протянул руку хозяйину, назвал себя, должность и цель визита.

— Если у вас есть подозрения к моему сыну, вызывайте повесткой, — официально отчеканил отец. — И сразу предупреждаю: говорить он будет только с адвокатом. Моему сыну нечего скрывать. Но сейчас он в шоке. Ваши расспросы через минуту после известия о смерти любимой девушки — это перебор.

— Сергей Владимирович, мы ни в чём его не подозреваем, — ответил Андрей Алексеевич, сглаживая углы. — Мы пришли просто побеседовать.

— И всё же я попрошу вас продолжить в другой раз, — отрезал Сергей Владимирович. Глянул на сына, оценивая его состояние, и шагнул к гостям, вытесняя их к выходу.

Марк замороженно смотрел, как отец жестко выставляет ментов. Сергей Владимирович говорил так, что спорить с ним не решился бы даже следователь прокуратуры.

Семён замаялся, но побрёл следом. Уже в прихожей он не удержался:

— Можем ли мы взять вот эти кроссовки с собой? — участковый ткнул пальцем в грязную обувь на паркете. Его маленькие глаза хищно блеснули, когда он перевел взгляд с носков обуви на бледное лицо Марка.

Сергей Владимирович посмотрел на сына. Тот сидел абсолютно отрешенно, не реагируя на происходящее. Не дождавшись от Марка протеста, отец ледяным тоном ответил Семёну:

— Пожалуйста. Только оформите протокол изъятия по всей форме, при понятых. И не дай бог с этой обуви пропадет хоть одна крупинка земли до официальной экспертизы. Я лично за этим прослежу.

Кивком он разрешил участковому забрать обувь.

Семён мазнул взглядом по Марку, высматривая страх или панику. К его разочарованию, лицо парня оставалось каменным. Семён наклонился, и Марк заметил, как его покрытые багровыми болячками пальцы вцепились в заляпанную лесной глиной подошву.

— Не забудьте вернуть кроссовки после экспертизы, — добавил отец.

— Мы только сверим грязь с места происшествия. И вернем, — ответил за Семёна следователь. В его голосе промелькнуло мимолётное облегчение — он явно не ожидал от чиновника такой покладистости.

— А там что, какая-то особенная грязь? — усмехнулся Сергей Владимирович.

— У нас есть специалисты, которые отличат почву с разных участков одного леса, — ответил следователь. В его голосе чувствовалась гордость. — Заодно проверим протектор, если на месте найдутся следы.

Следователь недовольно насупился — разговор зашел о деталях дела. Он промолчал, сворачивая разговор. Сергей Владимирович давить не стал.

— В таком случае — до свидания! — отрезал он и захлопнул дверь перед носом гостей. Щелчок замка отрезал дом от внешнего мира.

— Иди сюда, сынок, — глухо сказал он и обнял сына.

Мать прижалась к ним. Они стояли молча под тихий плач Надежды Николаевны.

— Как это случилось? Вы что-то знаете? — наконец спросил Марк, когда отец отстранился.

— Да, — Сергей Владимирович заговорил первым. — Пока это только слухи. Известно только, что вчера вечером она пошла в лес. Упала в овраг, а там...

Даже отцу было тяжело это произносить, но он договорил:

— На дне напоролась на острый сук. И...

Отец глянул в стеклянные глаза сына и резко замолчал, так и не решившись договорить.

— Ей было больно? — выдавил Марк, сжимая кулаки до белых костяшек, будто именно этот вопрос сейчас был самым важным.

— Думаю, нет, — тихо ответил отец. — Говорят, всё произошло мгновенно.

Марк тяжело вздохнул, задержал дыхание, словно пытаясь собраться с остатками сил, и через секунду резко выпустил из груди весь воздух. Вместе с этим выдохом ушло последнее сопротивление — из глаз хлынули слезы потоком бесконечной боли.

ГЛАВА 8. Четыре дня после происшествия.

14 мая 2007 года. Понедельник

В понедельник Марка снова вызвали на допрос — теперь официальный. Сергей Владимирович бросил все дела: случай был слишком серьёзный. Он приехал с сыном в городскую прокуратуру, где выделили кабинет следователю из области. Автомобиль отца всё ещё стоял в ремонте, поэтому ему пришлось взять пылившуюся годами в гараже маленькую иномарку матери.

— Почему ты не заберешь свою машину, пап? — спросил Марк.

Отец в безупречном синем костюме за рулем крохотной малолитражки выглядел нелепо. На его фоне она казалась игрушечной. Сергей Владимирович раздраженно барабанил пальцами по рулю, то и дело поправляя жесткий воротник рубашки.

— Им сейчас не до этого, — сухо бросил отец. Марк промолчал.

Машина отца оставалась в сервисе у папы Ани. Беспокоить убитого горем человека после гибели единственной дочери было немыслимо. Марк всем сердцем хотел выразить соболезнования, но понимал: в том доме ему никогда не были рады. А теперь, когда Ани не стало, его и вовсе наверняка вычеркнули из жизни. Дышать стало трудно, в горле встал сухой комок.

На входе в здание они столкнулись нос к носу. Родители Ани как раз выходили из дверей — оба мрачнее тучи.

— Добрый день, — неуверенно выдавил Марк. Его отец лишь едва заметно кивнул.

Родители Ани даже не взглянули на них — демонстративно отвернулись, когда проходили мимо. Женщина прижимала к груди платок, её плечи мелко дрожали.

— Дай им время, — сказал отец, когда они с Марком уже поднимались на второй этаж, отметившись в дежурной.

— Они ненавидят меня? — спросил Марк. Вспомнилось, как Васька волком смотрел на него при каждой встрече. «Теперь я для него враг номер один», — подумал Марк.

— Не думаю. Им сейчас тяжело. Я ведь говорил с её отцом в тот вечер, когда... — отец попытался успокоить Марка. — Они спокойно к тебе относятся. Просто считали, что любовь — это рано.

Марк не успел ничего спросить. Из кабинета навстречу им вышел следователь.

Андрей Алексеевич держался дружелюбнее, чем вчера: предложил чай, заговорил мягко. Сергей Владимирович спросил, подозревают ли его сына. Следователь отрезал: нет. Оснований считать смерть Ани чем-то, кроме несчастного случая, у них не было.

— То есть, вы полагаете, что она сама упала в овраг? — уточнил Сергей Владимирович.

— Дело в том, — начал Андрей Алексеевич. — Вчера я не мог раскрывать подробности, милиция ещё не закончила осмотр. Сейчас ясно: она поскользнулась. Сама упала в овраг. Я тоже просил это проверить сразу, как прибыл из области. Но у тех, кто приехал первыми, не хватило мозгов оценить обстановку. Все следы затоптали. Народу набежало уйма, пока её доставали.

Следователь недовольно поморщился и прижал ладонь к столу. В его голосе промелькнула явная злость на местных оперов:

— Иными словами, если там и были какие-то улики, то их не обнаружить? — уточнил отец.

Следователь пожал плечами. Марк оцепенел.

«Поскользнулась? Сама?» — внутри Марка всё перевернулось, в висках бешено застучало. В эту гладкую версию он не верил. Он знал Аню. Она панически боялась оврага, днем обходила его за версту. И главное — фонарь. Его подарок. Без него она бы ни за что не сунулась ночью в чащу. Но следователь про фонарь молчал, на тропе его не нашли. Значит, она выронила его в драке. Или убийца забрал с собой. Её заманили туда. Толкнули. Марк кожей чувствовал чужое присутствие в этой истории, но смолчал.

По спине пробежал холодок.

— Но зачем она туда пошла? — не выдержал Марк.

— Очень хороший вопрос, — задумчиво протянул Андрей Алексеевич. — Мы тоже ищем ответ. Проверяем всё. Друзей у неё тут нет, кроме вас. — Следователь в упор посмотрел на Марка. — Подруг тоже. Зачем она пошла ночью в лес? Знаете?

— Вы всё-таки подозреваете моего сына? — Сергей Владимирович моментально насутился.

— Нет. Я пока просто задаю вопросы. Выясняю детали.

— Какие детали можно выяснить у школьника? Откуда ему знать, зачем девочка пошла в этот чёртов лес? — Сергей Владимирович закипел так резко, что Марк не узнал отца — всегда спокойного и сдержанного.

— Я не звал её, если вы на это намекаете, — подал голос Марк, пытаясь успокоить отца. — Да, я караулил у её дома почти каждый вечер. Писал, звонил. Но в тот день я её не звал. Мы недавно поругались, а помириться так и не успели. И я писал и звонил... В общем...

— Да, я уже в курсе, — кивнул следователь, соглашаясь.

— Аня давно перестала отвечать на мои сообщения и звонки, — глухо добавил Марк.

— Вы писали ей семнадцать раз. В основном вечером. Звонили шесть раз. И вы правы — она ни разу не ответила.

— Раз вы всё уже знаете, зачем спрашивали?

— Чтобы проверить вашу искренность, — не стал вилять следователь.

— К чему вы клоните? — влез отец. — Мой сын тут ни при чём!

— Да. Скорее всего. — Андрей Алексеевич снова поднялся и прошелся по кабинету, собираясь с мыслями. — Но в субботу вечером, перед её гибелью, когда вы терлись у её дома, с вашего телефона ей ушло СМС. Как это объясните?

Марк задышал чаще, в горле пересохло. Слова следователя не укладывались в голове. «СМС с моего телефона? Его же сперли!» — подумал он.

— Телефон сына украли ещё в пятницу утром! — отец твердо гнул свою линию, не давая следователю загнать их в угол.

«Её заманили в ловушку? Зачем кому-то писать от моего имени?» — Марк похолодел.

— Мне это известно, — кивнул следователь. — Всё завертелось как раз с кражи. В тот же день с вашего мобильного телефона отправляют СМС. Она идёт в лес и погибает там. При этом вы, — он посмотрел на парня, — находитесь рядом с местом происшествия.

— Вы опять пытаетесь сделать Марка виновным? — ледяным тоном спросил отец. — Может, вашим оперативникам следовало просто нормально выполнять свои обязанности? Почему никто не...

— Мы работаем, — следователь проглотил тяжёлый взгляд чиновника. — Проверяем все версии. И здесь вы правы: коллеги, принявшие заявление о краже, сработали паршиво.

Отец Марка на секунду замешкался — этот неожиданно честный ответ следователя явно сбил с него спесь.

— Пока у нас нет оснований утверждать, что это убийство, — Андрей Алексеевич говорил спокойно, держа чашку в руках. — И я ни в чем не обвиняю вашего сына. Но если Марк чем-то обеспокоен или о чем-то догадывается, пусть скажет. Это поможет следствию. Наша основная рабочая версия на данный момент — несчастный случай.

— Понятия не имею! У меня нет ни знакомых, ни врагов, способных на такое, — Марк качнул головой. Кольцо вокруг него сжималось, и от этого становилось по-настоящему жутко.

Сначала он подумал на Рому и братьев — это они украли телефон назло, чтобы отомстить. Но заманить Аню в лес? Убить? Марк мысленно отмахнулся. Кишка у них тонка, обычная трусливая гопота. Сдавать их следователю не имело смысла, и Марк промолчал.

— Аппарат мы проверили поздно, — заговорил следователь, — но теперь знаем: из города он в субботу не уезжал. Точную геолокацию базовые станции, конечно, не определили. Но ваш номер, — следователь кивнул на Марка, — он раз в час фиксировался в зоне центральных улиц. В полночь сигнал пропал. Мобильник либо выключили, либо расколотили.

— Почему нельзя точнее? — оживился отец. — Нужна спецтехника из области? Я задействую свои связи.

— Не стоит, — следователь поднялся, прошелся по кабинету и снова сел. — Оборудование у нас лучшее из возможных. Включится — мы узнаем. Других зацепок по краже пока нет. Хотя людей у нас в обрез, но мы работаем.

— Марк вне подозрений? — Сергей Владимирович, привыкший к аппаратным играм, гнул свое. Он подался вперёд, стул под ним скрипнул.

— Я просто хотел узнать, известно ли парню хоть что-то.

— А анализ грязи с кроссовок? Вы же с этого начали, чтобы связать его с местом преступления.

— Мы обязаны проверять всё. Семён уже отправил грязь на экспертизу.

— Не вижу смысла. Земля везде одинаковая в пределах одного района.

Андрей Алексеевич прищурился, и по его тону стало ясно, что этот спор начинает его утомлять. Холодно чеканя каждое слово, он объяснил:

— В черте города почва везде одинаковая. Но у лесного оврага она отличается — там пласт редкой серой глины. Для наших мест это уникальный маркер. И...

— Ладно, — Сергей Владимирович оборвал его. — Сообщите результаты. Я знаю, что сын не виновен, но хочу, чтобы и у вас вопросов не осталось.

Слушая отца, Марк закрыл глаза. Только сейчас до него дошло, как это унижительно — сидеть под подозрением. Особенно теперь, когда Ани больше нет, и они даже не успели нормально поговорить в последний раз.

И тут в голову ударило воспоминание. Тот вечер, когда он сам чуть не улетел в овраг. Нога поехала, он едва удержался. «Кроссовки! Я же был в той самой обуви!»

— Андрей Алексеевич, — тихо позвал Марк. — Я был на том месте, где поскользнулась Аня.

Следователь и отец синхронно напряглись. Сергей Владимирович нервно застучал пальцами по столу.

— Но это было давно. Что, если вы найдёте эту глину на подошве? Она же там осталась. Андрей Алексеевич, внимательно слушавший его, ободряюще кивнул:

— Думаю, эксперты определяют возраст грязи. Не были там в субботу — переживать не о чем.

Сергей Владимирович шумно выдохнул. В кабинете стало тихо.

— И ещё кое-что, — Марк заговорил увереннее. — А там были чужие следы? Когда я оступился в тот раз, мне показалось, там отпечатался тяжёлый ботинок. Кто-то караулил там ночью?

— Хороший вопрос, — нахмурился следователь. — Я проверял. Но у местных оперов, что приехали первыми, мозгов не хватило. Нагнали толпу, истоптали весь склон, пока её вытаскивали. Если следы и были, их стерли.

— Иными словами, улики нет? — уточнил отец.

Андрей Алексеевич лишь пожал плечами.

Марк похолодел. Перед глазами вспыхнула картина: тяжелые ботинки Семёна и его «Жигули» у леса. *«Стоп. В субботу он ведь выезжал оттуда на трассу. Что этот мент там делал?»*

Марк открыл рот, чтобы сдать участкового, но вовремя прикусил язык. Без улик это прозвучало бы глупо. Сил не было, хотелось только домой. Отец поднялся и пожал следователю руку. Марк на автомате попрощался и двинулся к выходу.

Андрей Алексеевич остался один. Зацепки кончились. Дело зашло в тупик.

Шесть дней после происшествия.

16 мая 2007 года. Среда

Последние три дня Марк не появлялся в школе. Отец отрезал сразу, не оставляя пространства для споров:

— Будет лучше, если ты пока побудешь дома, сынок. Это наше общее с мамой решение.

Марк и не думал возражать. Стены родного дома защищали, но за ними город уже вовсю гудел от грязных слухов. Слухи о том, что именно он виновен в гибели Ани, пересказывались на каждом углу. Обыватели с каким-то злобным азартом смаковали подробности, готовые в любой момент растерзать семью высокопоставленного чиновника. Но Марку было плевать на их шёпот. В его голове стучала только одна мысль: похороны назначили на среду. Три дня он жил лишь ожиданием возможности проститься. Он понимал, что нужно спросить разрешения у родителей, но заранее знал, что будет отказ.

К отцу подходить было бессмысленно — тот запер бы его на замок. Марк уповал лишь на материнское сердце. Мама то и дело бросала на него тревожные, долгие взгляды — видимо, понимала, что он медленно сходит с ума от горя. Словно пытаясь отвлечь его и проверить, насколько всё зашло далеко, во вторник она сама позвала его с собой в магазин. Но эта вылазка обернулась катастрофой.

Продавщица тут же ткнула в его сторону пальцем и что-то зашептала на ухо стоявшей рядом коллеге. Одновременно с этим три девчонки — Марк не помнил их имен, но пару раз видел на переменах с Аней — замерли у витрины. Они косились на него, почти не скрываясь, и лихорадочно перешептывались.

Парень сделал шаг ближе, и до него долетели обрывки фраз, заставившие кровь прилить к лицу:

— Это он её с обрыва толкнул?

— Да тихо ты! Не узнала, что ли?

— Жуткий какой... Я так и думала, что он не в себе! И что она в нём только нашла?

— Да они же расстались прямо перед этим! Мне Анька сама говорила, что видеть его больше не хочет.

— И я слышала, что он ей названивал постоянно, преследовал, как маньяк!

— Получается, он не вынес — и отомстил? Из-за того, что бросила?

— Заткнитесь вы! Он слушает...

Марк действительно подошёл почти вплотную. Его глаза блестели от навернувшихся слёз обиды, а уголки губ подрагивали.

Он открыл было рот, чтобы рывкнуть что-то в ответ, но Надежда Николаевна железной хваткой вцепилась в его локоть и буквально поволокла к выходу.

— Вы ничего не знаете! Заткнитесь! — успел яростно выкрикнуть он вполоборота, задыхаясь от бессильного унижения.

Школьницы проводили их ледяными, презрительными взглядами. Стоило им перешагнуть порог магазина и оказаться на душной улице, как Надежда Николаевна сорвалась:

— Доволен?! — она почти закричала, срываясь на визг.

— Мам? — Марк опешил, глядя на её побелевшее лицо. — Я-то тут причём?

Мать резко разжала пальцы. На предплечье парня остались красные пятна — так сильно она сжимала его руку. Надежда Николаевна вздохнула, пряча глаза, и глухо выдавила:

— Прости, сынок. Я погорячилась. Кошмар какой-то... Ты и правда не при чём.

Остаток дороги оба шли молча. После происшедшего в магазине рассчитывать на то, что Надежда Николаевна отпустит его на похороны, было бесполезно. Марк решил схитрить.

Среда встретила тяжелым серым небом. Сказав дома, что бежит на тренировку, он переоделся в спортивную форму и направился прямо к церкви. Сердце бешено колотилось — он боялся, что отец перехватит его. В глубине души он понимал, какой скандал может вызвать его появление, но не повернул назад. Когда он зашел в притвор, никто не обратил на него внимания. Марк с облегчением выдохнул. Попрощаться с Аней — это всё, чего он хотел.

Однако стоило ему подойти к центру, как кто-то грубо отпихнул его в сторону. За спиной раздалось:

— Если сейчас же не уйдёшь отсюда, я тебя сам вышвырну!

Марк обернулся. Это был отец Ани. Его лицо за последние дни, казалось, обросло новыми морщинами и состарилось на годы. Уголки губ были плотно сжаты, а сами губы побелели. Мужчина едва сдерживался, чтобы не ударить Марка. Позади стоял её брат. На лице Васи скорбь никак не отразилась, зато взгляд выражал исключительно презрение и глухую, бешеную ненависть.

— Убирайся отсюда, придурок! — Вася подошел практически вплотную и зыркнул исподлобья. Из широких рукавов его рубашки, явно большей по размеру, чем требовалось, высунулись сжатые кулаки.

— Не заводись. Ухожу, — глухо сказал Марк.

Устраивать цирк в храме он не хотел — развернулся и быстро вышел на улицу. Сломленный, пустой. Его сжирала тоска. Марк шел на автомате, опустив голову, пока с обочины не окликнули:

— А вот и ты!

Марку не нужно было смотреть на говорившего. Он уже знал, что голос принадлежит Семёну. Участковый выбрался из машины и пошел наперерез.

— Привет, — сказал Марк. — Ты меня искал?

— Ага. Мать твоя сказала, ты на пробежку свалил. — Семён осклабился. — А ты, по ходу, её технично развёл?

— Это тебя не касается.

— Опять дерзишь? Я вообще-то с хорошими новостями. Пришли результаты экспертизы по твоим кроссовкам, — Участковый замолчал, впившись в Марка выжидающим взглядом. Тот никак не отреагировал. — Ноль совпадений с грязью из леса.

— Это я и без тебя знал.

— Ладно. Зато теперь и мы знаем, так спокойнее. Подозрений к тебе нет.

— Ты лучше свою обувь проверь, — буркнул Марк.

Семён взорвался:

— Ты что несёшь, сопляк?

Лицо Семёна налилось багровой краской, зубы со скрипом сжались. Марк промолчал, с презрением глядя менту в глаза.

— Ты что себе позволяешь? — гаркнул Семён. Марк заметил, как участковый по привычке сунул палец в рот — верный знак паники. Он с силой впился зубами в изгрызенную кожу у ногтя, глуша дрожь.

— Ты тоже был в тот вечер возле леса! И твои следы я видел на тропе несколько недель назад! — Марк пошел ва-банк, бросая догадку прямо в лицо менту.

— Чего? Ты совсем берега попутал, щенок? Я тебе сейчас уши оборву!

Семён двинулся на парня, но жесткий взгляд Марка его осадил. Участковый попятился.

— Думай че хочешь, — процедил он. — Но мой тебе совет: вали из города. Спокойно тебе тут жить не дадут.

Марк ответил ровно:

— Свалю, не переживай. Делать мне тут больше нечего.

— И знай: для всех ты останешься убийцей. Это клеймо на всю жизнь.

— Всё сказал? — спросил Марк. — Ищи лучше мой телефон и меньше болтай.

Участковый промолчал. Марк развернулся и быстро пошёл прочь. Сзади грохнуло — Семён с такой силой захлопнул дверь «Жигулей», что машина чуть не посыпалась.

Домой Марк шёл молча. Отец ждал его на крыльце. По ледяному взгляду стало ясно: вранье про пробежку не прошло. Но скандала не было — отец лишь сухо кивнул на дверь:

— Заходи. Мать заждалась.

На кухне пахло обедом. Мама молча накрывала на стол, пряча глаза от сына.

— Садись, сынок, поешь, — тихо сказала она.

Отец сел напротив. Голос звучал пугающе спокойно. Так он говорил всегда, когда принимал решения в одностороннем порядке. Как тогда, когда вычеркнул местный вуз и сам выбрал Москву.

— Тебе пора уезжать, — сказал Сергей Владимирович, едва Марк сел.

Предчувствие не подвело, но спорить не хотелось. Марк молча кивнул, уставившись на ладони. Внутри рвались последние нити, державшие его здесь.

ЧАСТЬ 2.

ГЛАВА 9.

6 сентября 2022 года. Вторник.

Смеркалось. Закат подсвечивал серую, разбитую дорогу, по которой шел тёмно-синий пикап. Машина подпрыгивала на ухабах. Водитель плотно сжал губы, его глаза скрывали тёмные очки. Он был за рулем много часов: лоб покрывала испарина, волосы потемнели от пота и дорожной пыли. Он поправил воротник рубашки-поло и бросил взгляд на навигатор. До конечной точки оставалось всего несколько километров.

Справа сидела девушка. Тёмно-каштановые волосы стянуты в тугой хвост. Она смотрела в окно и тихо напевала.

Водитель изредка перекидывался с ней репликами, не отрывая взгляда от лобового стекла. Сеточки морщин на лбу выдавали, что он старше спутницы. Мужчине было за тридцать — он был крепким, плечистым, без намёка на седину.

— Долго ещё? — спросила девушка.

Он объехал глубокую выбоину и, когда пикап выровнял ход, ответил:

— Ещё примерно пятнадцать минут. Устала?

— Немного. Дальние поездки выматывают. Но места у вас красивые — компенсируют затёкшую спину, — она усмехнулась.

— Прости, что втянул тебя во всё это, — он протянул ей правую руку. На пальце блеснуло массивное обручальное кольцо.

Она переплела свои пальцы с его, коснувшись своим украшением холодного золота. Глядя на яркий блик, она сказала:

— Ты давно меня втянул. Поздно извиняться.

Оба негромко рассмеялись, и муж добавил:

— Но перед алтарём я не обещал, что утащу тебя из столицы в эту глушь. Твои предки явно думали иначе.

— Разве у меня был выбор?

— До свадьбы — точно был. Вспомни, сколько вариантов: аспирантура, тот ухажер Даня с факультета, заграница.

Девушка притихла. Рассеянно покрутила кольцо, улыбка сошла с лица.

— Из всех дорог я выбрала одну — стать твоей женой. И не жалею.

— Надеюсь на это!

— В том, что я сделала правильный выбор?

— И что во мне не ошиблась.

— Конечно, нет. Я же тебя люблю. Как и ты меня.

— Точно, — отозвался мужчина.

На его лице скользнула улыбка, но взгляд за тёмными стеклами очков оставался напряженным. Тьма стремительно накрывала трассу.

— Почти на месте, — он стянул очки и бросил их на торпеду. Солнце уже ушло за горизонт.

Шоссе резко вильнуло влево, открыв стену леса. Густые тени деревьев упали на лобовое стекло плакапа.

— Красота! — сказала она.

— Да, но нам немного не сюда.

Сбоку показался неприметный съезд. Мужчина крутанул руль, уходя с шоссе. Грунтовка вела вверх. Справа среди деревьев вырос огромный дом, похожий на замок.

— Это он? — тихо спросила девушка.

Она разглядывала фасад. Особняк впечатлял даже после московской архитектуры.

Мужчина кивнул.

— Вот и приехали, — сказал он, паркуя авто у ворот. Фары разрезали сумерки, высветив старый металл ворот. Мужчина вышел и осмотрелся. Девушка открыла дверь, но выходить не торопилась. Тело после дальней дороги затекло, и она потянулась в кресле.

— Выходи, пропустишь последние краски заката.

— Этого я себе позволить не могу, — девушка послушалась.

Небо на западе догорало мягкими тонами — сумерки смешались с последними отблесками света. Она смотрела на горизонт. Он — на неё. Его закаты не трогали. Насмотрелся в детстве.

Солнце село за пять минут. В темноте дом ещё больше походил на замок. Других строений рядом не было. Девушка огляделась — только поле и опушка леса, куда вела широкая тропа. Мужчина глянул на тропу, и по телу пробежала дрожь.

— Марк, вы что, жили тут одни? — спросила девушка.

— Да. А что?

— Но он же огромный!

Марк пожал плечами и стал молча вытаскивать чемоданы на крыльцо.

— Когда я здесь жил, в юности, мне это не казалось странным, — наконец сказал он.

— Ты давно сюда не приезжал?

— С 2007 года.

— Ни разу? — девушка округлила глаза.

— На то были причины.

— Расскажешь? — спросила она вполголоса.

— Когда-нибудь. Но сперва мы навестим маму.

— Ты же сказал, что к ней не пустят.

— Сегодня — нет. Поэтому мы навестим её утром. Я говорил с врачом. Пустят утром, сразу к открытию.

— Хорошо, — девушка подошла и обняла его за плечи. — Марк, мне больно видеть, как ты мучаешься.

— Яна, я виноват, что не уговорил маму переехать к нам в Москву.

— Этот дом! — Яна разглядывала фасад. — Он такой красивый! Кажется, теперь я понимаю, почему ей было сложно согласиться на переезд. Это же настоящий дворец! А мы предлагали взамен съёмную однушку в Москве. Разве это обмен? Я бы тоже не уехала. Этот лес, закаты... Ты правда думал, что она бросит всё и уедет туда, где мало места, вечно воняет бензином, а людей больше, чем в любом муравейнике?

— Она должна была! — Марк сорвался на крик, но осекся. Голос глухо отскочил от стен и перешел в шёпот. — Иногда нужно забыть о комфорте. Подумать о себе, о нас, обо мне...

Марк бессильно опустил руки. Сквозняк с поля обдал холодом. Он вспомнил, сколько отстегивал из Москвы зрителям, чтобы замок не припал пылью. Но чистые стены сына ей не заменяли.

— Ты не можешь утверждать, что она не думала о тебе... — тихо сказала Яна.

— Причин переехать хватало! — отрезал Марк. — В Москве медицина. Там я рядом, а тут — никого. Я сам уехал пятнадцать лет назад, когда прижало.

Повисла тяжелая пауза. Яна смолчала — видела, что Марка трясет. Он силой взял себя в руки, переводя тяжёлый разговор на бытовые мелочи.

— Ладно, давай разбирать вещи. Надо разместиться и поужинать.

— А когда приедет грузовик со всем остальным?

— В лучшем случае к завтрашнему вечеру.

— Понятно. Надеюсь, я положила любимую пижаму в один из этих чемоданов.

— Положила.

— Ты всё помнишь? Мне кажется, мы собирались меньше часа! — удивилась Яна и усмехнулась. — Хотя да, ты же никогда ничего не забываешь. Марк, ты хоть раз щетку зубную терял? Иногда кажется, ты робот, а не человек.

Марк замер. Лицо потемнело.

— Терял, Ян, конечно, терял, — глухо обронил он, подхватывая чемодан.

Марк быстро пошел к крыльцу. Яна с пакетами в руках пошла за ним. Ключ в старой скважине пару раз заело, но замок сдался, и дверь с тяжелым щелчком отворилась.

Особняк встретил их тишиной. Яна бросила пакеты в прихожей и пошла осматривать комнаты. Марк молча прошел на кухню, зажег плиту и поставил чайник. Дорога выжала все силы — сейчас им нужен был только горячий чай и сон.

7 сентября 2022 года. Среда.

Галина Порфирьевна отдала городской больнице сорок лет. Помнила времена, когда медсестры были на вес золота, пережила разруху девяностых и пандемию. Сейчас, на пенсии, она всё так же выходила на дежурства.

За сорок лет у больничных коек она научилась видеть смерть с первого взгляда. Галина Порфирьевна посмотрела на соседа по палате — там тяжело, с хрипом дышал старик. Ничего, сейчас его прокапают, полегчает. Хронические алкоголики вообще живут долго. Медсестра проверила монитор и повернулась к другой кровати. Соседка по палате была совсем плоха. На своих двоих отсюда не выходят.

— Как же так, Наденька? — тихо спросила медсестра. — Ты ещё такая молодая... Тебе бы жить да жить...

Галина Порфирьевна бережно коснулась исхудавшей, пугающе холодной руки женщины. Бедняжку привезли позавчерашней ночью, и болезнь выжигала её лёгкие со страшной, беспощадной скоростью. В тишине палаты аппарат ИВЛ мерно и равнодушно шипел, силой вбивая воздух в грудь. Медсестра смотрела на её бледное лицо и сжимала губы от подступившего бессилия. Она слишком долго проработала здесь, чтобы обманывать себя ложными надеждами: после этой бездушной машины к жизни возвращаются лишь единицы.

Надежду Николаевну она помнила хорошо. Та осталась совсем одна пятнадцать лет назад: сын уехал в Москву, а муж вскоре разбился насмерть. Город тогда долго обсуждал эту аварию. Оставшись одна в огромном пустом доме, женщина окончательно замкнулась в себе, будто просто устала жить, и силы кончились.

Галина Порфирьевна продолжала менять капельницы. Дверь скрипнула. В палату вошли двое и замерли у порога.

— Мама, — глухо сказал высокий, подтянутый мужчина. Рядом стояла девушка с тёмно-каштановыми волосами, вцепившись в его руку.

Медсестра хотела было рявкнуть, что посторонним нельзя, но осеклась. В лице вошедшего мужчины вдруг отчетливо проступили черты того самого мальчишки, уехавшего отсюда пятнадцать лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.